ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Томас Харди

ВЗОР СИНИХ ГЛАЗ

Харди – величайший писатель на все времена.
Вирджиния Вулф

Томас Харди

Взор синих глаз

Серия «Первое издание»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54909626
Взор синих глаз : [роман] / Томас Харди ; [пер. с англ. Д. Ченской]:
РИПОЛ классик / Пальмира; Москва; 2019
ISBN 978-5-386-10745-1

Аннотация

Юная Эльфрида может очаровать любого взором своих синих глаз. В ее жизни появляются двое – молодой архитектор и умудренный опытом литератор. Бывшие друзья становятся соперниками, а девушке предстоит сделать мучительный выбор.

Содержание

Предисловие 5
Действующие лица 7
Глава 1 8
Глава 2 14
Глава 3 27
Глава 4 40
Глава 5 59
Глава 6 77
Глава 7 88
Глава 8 121
Глава 9 140
Глава 10 157
Конец ознакомительного фрагмента. 179

Томас Харди
Взор синих глаз

Цветок фиалки на заре весны,
Поспешный, хрупкий, сладкий, неживучий,
Благоухание одной минуты;
И только[1].

THOMAS HARDY
A Pair of Blue Eyes

Перевела с английского Д. С. Ченская

© Ченская Д. С., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Предисловие

Главы этого романа написаны в те времена, когда мода на бессистемную реставрацию церковных строений докатилась до самых отдаленных медвежьих углов Западной Англии, до тех краев, где дикие и печальные пейзажи морского побережья находятся в гармоничном соседстве с грубыми чертами готического стиля старинных церквей, кои рассеяны в изобилии по всему побережью и входят в немыслимый диссонанс с любыми архитектурными новшествами, что пытаются здесь возвести. Заниматься же восстановлением угрюмых развалин Средневековья, чей дух давным-давно покинул здешние места, представляется мне столь же нелепым, как попытки ремонтировать примыкающие к ним скальные массивы.

Вот почему случилось так, что сия вымышленная история любви трех человеческих сердец, чьи переживания некоторым образом перекликались с реальными жизненными обстоятельствами, в заурядных происшествиях той церковной реставрации обрели для себя подходящую сцену, на которой они предстают вашим взорам.

Морское побережье и местность, где расположен Касл-Ботерель, теперь стали широко известны, и потому многие их легко узнают. Могу добавить, что это наиболее отдаленное место на западе, самое дальнее из всех тех подходящих

уголков нашей отчизны, где я рискнул воздвигнуть театральные подмостки для этих небезупречных маленьких трагедий провинциальной жизни и страстей; и находится оно вблизи или, по крайней мере, не слишком далеко за пределами неясных границ королевства Эссекс, с той его стороны, коя, подобно западному рубежу современных американских поселений, постепенно сдвигается в глубь страны и не поддается четкому определению.

Впрочем, как бы там ни было, все это не так уж важно. Эти края предстают (по меньшей мере в глазах одного человека) местом, что более всех прочих окутано тайнами и навевает мечты. Пение незримых птиц, неподвижная морская гладь, легкий бриз, немолчный ропот вод, морские отбросы, прибитые к берегу, цветут темным багрянцем, их словно ветром занесло сюда с прибрежных обрывов, которые придают всему пейзажу неясную атмосферу ночного видения.

В повествовании фигурирует одна огромная прибрежная скала, имеющая узнаваемые очертания; и, по какой-то давно позабытой причине, в романе она была указана как безымянная. Точность требует от меня следующего заявления: сия замечательная скала, во многом напоминающая ту, что описана на страницах романа, носит имя, не прославленное ни одним мало-мальски значительным событием.

Т.Х.
Март 1899 г.

Действующие лица

ЭЛЬФРИДА СУОНКОРТ, юная леди
КРИСТОФЕР СУОНКОРТ, священник
СТЕФАН СМИТ, архитектор
ГЕНРИ НАЙТ, обозреватель и эссеист
ШАРЛОТТА ТРОЙТОН, богатая вдова
ГЕРТРУДА ДЖЕТУЭЙ, бедная вдова
СПЕНСЕР ХЬЮГО ЛЮКСЕЛЛИАН, пэр
ЛЕДИ ЛЮКСЕЛЛИАН, его жена
МЭРИ и КЕЙТ, две маленькие девочки
УИЛЬЯМ УОРМ, мастер на все руки, постоянно пребывающий в изумлении
ДЖОН СМИТ, главный каменщик
ДЖЕЙН СМИТ, его жена
МАРТИН КАННИСТЕР, церковный сторож
ЮНИТИ, служанка
Остальные слуги, каменщики, рабочие, грумы и прочие пер сонажи, etc., etc.

Место действия
По большей части – окраины Нижнего Эссекса.

Глава 1

Царящая на западе весталка[2].

Эльфрида Суонкорт была молодой особой, чувства которой всегда можно было легко прочесть по ее лицу. Постичь же саму природу ее чувств, кои претерпевали изменения с неспешным ходом времени, было дано лишь тем, кто своими глазами видел события, что повлияли на всю ее жизнь.

Характер ее был соединеньем весьма удивительных черт, уникальность которых, как бы там ни было, составляло скорее их сочетание, чем сами сии отдельные черты. По правде говоря, вам не открывались особенности и *суть* ее характера, когда вы вели с ней беседу; и сие чарующее уменье удерживать собеседника от непосредственного изучения ее нрава заключалось не в скрадывающем действии прекрасных манер (ибо ее манеры были детскими и едва-едва сформировались), но в милой легкомысленности самих ее наблюдений. Она всю жизнь прожила в сельской тишине – monstrari digito[3] праздного люда не льстило ее самолюбию, и к девятнадцати-двадцати годам она обладала не большей опытностью в сфере общения, чем живущая в городе юная леди пят-

---

[2] Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт II, сцена 1. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник. Неточная цитата.

[3] Monstrari digito (лат.) – когда на тебя указывают пальцем.

надцати лет.

Однако одну ее отличительную черту вы замечали непременно: то были ее глаза. Любуясь ими, вы смело выносили суждения о ее натуре; не было нужды вглядываться дальше: сама ее душа представала пред вами.

Ее глаза были синими; синими, как осенняя даль – синими, как та синева, что пролегает между очертаньями далеких холмов и лесистыми косогорами, на кои мы смотрим ясным сентябрьским утром. Отуманенная и прохладная синева, что не имеет ни глади, ни начала, и взгляд этих глаз устремлен скорее ВГЛУБЬ, чем ВОВНЕ.

Что до ее манеры держаться, то она не подчиняла себе окружающих, она всегда вела себя нерешительно. Бывают женщины, способные заполонить собою всю банкетную залу, а Эльфрида обладала не большей покоряющей силою, чем обычный котенок.

Эльфриде была свойственна особая задумчивость, такая же, что сияла на лике «Мадонны в кресле»[4], но без ее экстаза: теплота и душевность черт женщины этого типа, самых узнаваемых у красавиц Рубенса – и смертных, и бессмертных, – только без избытка плоти, присущего его моделям. Характерное выражение женских лиц на картинах Корреджио[5] –

---

[4] «Мадонна в кресле» (итал. «Madonna della Sedia») – картина Рафаэля Санти, написана ок. 1513–1514 гг.

[5] Антонио да Корреджио (итал. Antonio da Correggio, 1489–1534) – итальянский художник Высокого Возрождения.

отражение неких тоскливых мыслей человеческих, что таятся в душе слишком глубоко, чтобы излиться в слезах, – порою и это было ей свойственно, но, как правило, в необыкновенных обстоятельствах.

Можно сказать, что поворотным пунктом в жизни Эльфриды Суонкорт, после которого заструились глубинные воды нашего повествования, стал тот зимний день, когда она, очутившись в роли хозяйки дома, столкнулась лицом к лицу с молодым человеком, коего никогда не встречала прежде, более того, она смотрела на него с любопытством и интересом Миранды[6], коими до сих пор не удостаивала ни единого смертного.

Именно в этот самый день ее отец, вдовый священник в омываемом морем приходе на окраинах Нижнего Эссекса, страдал от приступа подагры. Когда она отдала слугам все необходимые распоряжения по хозяйству, Эльфриду одолело беспокойство, и она не единожды выходила из комнаты, поднималась на верхний этаж и стучалась в дверь отцовской спальни.

– Входите! – всякий раз отвечал сердечным тоном доносящийся оттуда голос.

– Папа, – сказала она, улучив минуту, обращаясь к краснолицему красивому мужчине лет сорока, внушительной

---

[6] Речь идет о Миранде из пьесы Шекспира «Буря», которая, проживши всю жизнь на острове, никогда не видела других людей, кроме своего отца и слуги, и отличалась любопытством и наивностью.

комплекции, что пыхтел и шипел, как закипающий чайник, возлежа на кровати, будучи облачен в халат, и у коего время от времени вырывались невольные восклицания первого слога или слогов неких выражений, что были на грани ругательства. – Папа, ты сможешь спуститься вниз сегодня вечером?

Она говорила на повышенных тонах: он был глуховат.

– Боюсь, что нет… у-у-уф!.. очень боюсь, что я не смогу, Эльфрида. Уф-уф-уф! Я не могу вынести веса даже носового платка на этом ужасном пальце, что уж там говорить о чулке или туфле… Уф-уф-уф! Ну вот, снова начинается! Нет-нет, я встану не раньше завтрашнего утра.

– Тогда я надеюсь, что этот человек из Лондона не приедет, в противном случае просто не знаю, что я с ним буду делать, папа.

– Ну, стало быть, это будет очень неловко, можно не сомневаться.

– Я не думаю, что он приедет сегодня.

– Почему?

– Потому что ветер уж так воет!

– Ветер! Что у тебя за мысли, Эльфрида! Виданое ли дело, чтобы ветер хоть раз остановил мужчину, если тому требуется выполнить задуманное! И еще эта моя подагра разыгралась ни с того ни с сего!.. Если он приедет, ты должна проводить его ко мне наверх, затем накормить и уложить спать где-нибудь. Боже мой, сколько же со всем этим хлопот!

– Должна ли я предложить ему поужинать?

– Будет слишком тяжело на желудок для уставшего человека в конце утомительного пути.

– Тогда чай?

– Слишком мало, недостаточно.

– Значит, ранний ужин с чаепитием? Холодная дичь, пирог с зайчатиной, пироги с начинкой и прочее.

– Да, ранний ужин с чаепитием.

– Должна ли я разливать ему чай, папа?

– Конечно, ведь ты хозяйка дома.

– Что! Провести столько времени с незнакомцем, словно мы давно друг друга знаем, и никого рядом, кто бы нас представил?

– Это все вздор, дитя, насчет представления; ты не настолько глупа, чтобы этого не понимать. Практический человек, делец, усталый и голодный, который этим утром поднялся с первыми лучами зари, чтобы добраться до нас, едва ли будет склонен вечером вести беседы да сотрясать воздух любезностями. Все, в чем он будет нуждаться, это пища и кров, и ты должна проследить, чтобы он все это получил, поскольку я прикован к постели и попросту не могу это сделать сам. Надеюсь, тут нет ничего ужасного? Голова у тебя забита самыми необыкновенными фантазиями потому, что ты читаешь слишком много романов.

– Ах нет, ничего ужасного нет в том, что есть простая дань необходимости, вот как сейчас. Но, видишь ли, ты же все-

гда был рядом, когда к нам на ужин приходили гости, даже если они были наши знакомые; а этот непонятный человек, делец из Лондона, он, быть может, подумает, что это очень странно.

– Очень хорошо, пусть его.

– Он партнер мистера Хьюби?

– Мне кажется, вряд ли; впрочем, может, он и партнер.

– Скажи, сколько ему лет?

– Этого я не знаю. Ты можешь взглянуть на копию моего письма к мистеру Хьюби и его ответ, что лежат на моем письменном столе. Прочти оба письма – и будешь знать о госте ровно столько же, сколько и я.

– Я их прочла.

– Что ж, тогда к чему задавать вопросы? В письмах содержится все, что я о нем знаю. Ай-ай-ай!.. Чтоб тебя черти взяли, молодая негодница! Не клади на ногу ничего! Я и веса мухи сейчас не вынесу!

– Ох, папа, я прошу прощения. Я позабыла; я думала, что тебе, быть может, холодно, – сказала она, поспешно убирая плед, который набросила было на ноги страдальца; и, дождавшись, пока чело ее отца прояснится после причиненной ему неприятности, она выскользнула из его комнаты и снова спустилась вниз.

Глава 2

Это было на склоне зимнего дня[7].

В тот день промелькнули еще два-три часа, и вот уж солнце начало понемногу клониться к закату, когда на фоне неба возникли какие-то фигурки, что двигались на вершине девственночистого холма, стоящего в этих краях особняком. То были двое мужчин, кои пока что казались просто силуэтами, они сидели в догкарте[8] и продолжали продвигаться вперед, несмотря на сильные порывы ветра. Едва ль хоть одно обитаемое жилище или душу человеческую можно было встретить на всем протяжении той мрачной, открытой всем ветрам местности, что они пересекали; стало смеркаться, на землю опускалась ночь, однако окружающий пейзаж, что еще виден был в наступающей темноте, оживила своим неспешным восходом планета Юпитер, что сразу замерцала сильным бриллиантовым блеском впереди наших путешественников, соперничая с Сириусом, который, появившись прямо у них над головой, заливал им плечи своим сиянием. На земле же светило всего несколько тускло-красных огней, что горели кое-где на далеких холмах, кои, как возница са-

---

[7] Название одноименного романса, известного во времена Томаса Харди.

[8] Догкарт – высокий двухколесный охотничий экипаж, где под сиденьями есть места для собак.

мовольно заметил своему пассажиру, были тлеющие костры из торфа и дрока, что местные жители зажигали ради сельскохозяйственных нужд. Порывы ветра были все еще очень сильными, но постепенно начали идти на спад, если сравнивать с тем, как ветер свирепствовал днем, и три-четыре облачка, легких и бледных, появились на небе, неторопливо двигаясь с юга, от Канала[9].

Четырнадцать миль из шестнадцати, что пролегали между конечной железнодорожной станцией и целью их путешествия, были ими пройдены, когда они стали проезжать по краю долины, что была длиною в несколько миль, где покрытые снегом жухлые травы, более пышные, чем те, что они прежде видели всюду, возвестили о том, что почва стала плодороднее, что ее больше унавоживали и ухаживали за ней, чем за травою на тех склонах, по которым они сегодня проезжали. Немного поодаль на открытом месте высился особняк, что окружало несколько вязов, которые мощно разрослись на плодородных землях этой долины.

– Это усадьба Энделстоу, принадлежит лорду Люкселлиану, – промолвил возница.

– Усадьба Энделстоу, принадлежит лорду Люкселлиану, – машинально повторил за ним пассажир.

Затем он повернулся и впился внимательным взглядом в особняк, что был почти невидим из-за темноты, и столько интереса было в этом взгляде, что для его возникновения

---

[9] Имеется в виду Английский канал, или Ла-Манш.

расплывчатой картины усадьбы едва ли было достаточно.

– Да, это владение лорда Люкселлиана, – повторил он спустя некоторое время, по-прежнему смотря в том направлении.

– Ну так что, едем туда?

– Да нет же, к пасторскому домику в Энделстоу, как я вам уже говорил.

– Мне подумалось, что вы изменили свое намерение, сэр, когда я увидал, как вы долго таращитесь в ту сторону.

– Ах нет, меня просто заинтересовал сам дом, только и всего.

– Сказывают, очень многих он интересует.

– Да только не в том смысле, в каком этот дом интересует меня.

– О!.. Ну, что ж, семья его ничуть не выше моей, скажу я вам.

– Как же так вышло?

– Пройдохи они и лопатники[10], ежели называть их по справедливости. Но когда-то, в давние-давние времена, когда кто-то из ихнего рода был на работе в поле, то поменялся платьем с королем Карлом Вторым и тем самым спас государю жизнь. Король Карл пришел к нему как простой человек и сказал без малейшей церемонии: «Человек в рабочей робе, меня звать Карл Второй, и это святая правда. Обменяешься со мной платьем?» – «Я ничуть не возражаю против

[10] Лопатник (диал.) – землекоп.

такого обмена», – отвечал Хеджер Люкселлиан, и они надели платье друг друга. «А теперь запомни, – сказал король Карл Второй, как отъезжал прочь, – если я когда-нибудь верну себе корону, приходи в королевский дворец, постучи в дверь и смело скажи: „Дома ли король Карл Второй?'[4] Назови свое имя, и тебя впустят, и я сделаю тебя лордом». Не правда ли, то была щедрая награда от мастера Чарли?

– И впрямь, очень щедро.

– Что ж, как гласит легенда, король вернул себе трон; и несколько лет спустя Хеджер Люкселлиан пустился в путь ко двору, он постучал в королевскую дверь и спросил, дома ли король Карл Второй. «Нет, его нет», – отвечали ему. «Стало быть, Карл Третий?» – молвил Хеджер Люкселлиан. «Да, – отвечал ладный молодец, что стоял как простой человек, только на голове его была корона, – меня звать Карл Третий». И тогда…

– Я совершенно уверен, что здесь есть какая-то ошибка. Я не могу припомнить во всей истории Англии ни единого слова о Карле Третьем, – сказал его пассажир тоном мягкого протеста.

– О, это вполне правдивая история, только без всяких красивостей; а тот был человеком странного нрава, если вы помните.

– Что правда, то правда; ну, рассказывайте дальше.

– Так вот, Хеджер Люкселлиан добивался цели всеми правдами и неправдами, и его сделали лордом, и дела его

шли в гору до тех пор, пока он не оказался втянут в ужаснейшую свару с королем Карлом Четвертым.

– Я не могу стерпеть Карла Четвертого. Клянусь честью, это уже чересчур.

– Отчего ж? Был же король Георг Четвертый аль не был?

– Конечно был.

– Ну вот, Карлы не менее популярны, чем Георги. Как бы там ни было, больше я об этом ни словечка ни скажу… Ать, славно! Самая редкостная небывальщина, что я видел, – ей-богу, так оно и есть. Ах, чтоб его!

Пока они вели этот разговор, сумерки сгустились и стали ночной тьмой, а очертания и контуры особняка мало-помалу растворились в темноте. В окнах, что прежде были темными пятнами на светлом пространстве стены, зажегся свет, и они превратились в яркие квадраты на темном фоне ночного пейзажа, где все контуры здания канули во тьму и окрасились мрачным монохромом.

Некоторое время между путешественниками царило молчание, пока их экипаж взбирался на холм, а потом – на следующий, что громоздился на первом. Они проехали еще милю по плато, откуда открывался вид на два маяка, возведенных на побережье, к которому они приближались, – те спокойно высились на горизонте, сияя мирным, добрым светом. Они достигли еще одной ровной площадки; маленькая лесистая долина лежала у их ног, словно гнездо, и по направлению к ней-то возница и понукал свою лошадь, чтоб та взя-

ла немного в сторону, и вот их догкарт стал спускаться по крутому склону, что нырял в чащу деревьев, как в кроличью нору. Они спускались все ниже и ниже.

– Энделстоунский пасторский домик прямехонько там, – сказал возница. – Эта вот местность, вон там, это, значит, Западное Энделстоу; а лорд Люкселлиан проживает в Восточном Энделстоу, и у него есть отдельная церковь. Пастор Суонкорт ведает обеими церквами и носится туда-сюда. Ать, славно! Вот чудные дела. Думается мне, когда-то была каменоломня на том месте, где сейчас этот особняк стоит. Тот хват, что выстроил его в давние времена, выкопал да перенес к себе во владения весь плодородный слой почвы с церковных земель, что вкруг этого пасторского домика, да насыпал его у себя и создал маленький рай с цветами да деревьями, что наросли из той почвы, которую он таким образом присвоил себе, в то время как церковные поля с той поры почти не родят урожай.

– Как долго живет здесь нынешний пастор с семейством?

– Где-то около года или года с половиною, двух годов еще нет; поскольку его еще не оскандалили; прихожане начинают злословить о пасторе, лишь когда пролетит два года с лишком и они к нему попривыкнут. Да, пастор Суонкорт меня знает, так как я прекрасно разъезжаю с ним; да и я знаю пастора Суонкорта.

Они выехали из лесной сени, описали небольшой круг, и тогда стали неясно различимы дымовые трубы и фронто-

ны пасторского дома. Нигде не было видно ни огонька. Экипаж остановился; незнакомец-пассажир ощупью добрался до крыльца и позвонил в колокольчик.

Когда истекли три-четыре минуты, прошедшие в терпеливом ожидании, а не раздалось ни единого звука в ответ, незнакомец шагнул вперед и стал звонить в дверной колокольчик в более решительной манере. Тут ему показалось, что он различает чьи-то шаги в холле и что шарообразная дверная ручка как будто пришла в движение, но никто не появился.

– Должно быть, их и дома-то нету, – вздохнул возница. – А я уж было пообещал себе славный ужин на кухне у пастора Суонкорта. Какие же у него распрекрасные двойные пироги подают, да кексы с инжиром, да сидр, да наливки!

– Ну, довольно, люди добрые! Будь вы богатеи или бедняки, что вам была за нужда являться сюда, на край света, да еще в ночное время? – в тот же миг раздался громкий голос, и оба собеседника, повернув головы, увидели дряхлого субъекта, который, шаркая, медленно вышел из черного входа с роговым фонарем, что болтался в его руке.

– «Ночное время», скажите на милость! А часы только-только пробили семь. Зажги-ка ты свет да пусти нас внутрь, Уильям Уорм.

– Ох, это ты, Роберт Ликпен?

– Он самый, Уильям Уорм.

– И с тобою визитер, которого ожидают?

– Да, – ответил незнакомец. – Дома ли мистер Суонкорт?

– Дома, сэр. Не будете ли вы столь любезны обойти кругом да пройти в дом с заднего входа? Парадную дверь заклинило – размокла от влажного снега, как это с ней порою случается; и теперь ее даже турок не откроет. Я знаю, что я всего лишь бедная старая развалина, которой никогда не расплатиться с Господом за все мои прегрешения, сэр, но я годен на то, чтобы провести вас в дом, сэр.

Незнакомец последовал за своим провожатым в маленькую дверь в стене и прошел через буфетную и кухню, находясь в которых он смотрел строго вперед, испытывая врожденный стыд любопытства, запрещающий ему глазеть по сторонам в комнатах, что образуют собою изнанку гобелена домашней жизни. Когда они вошли в холл, старый слуга собрался было показать гостю его комнату, но тут из коридора у парадного входа, куда она удалилась, чтобы выяснить, почему задержался гость, показался неясный силуэт Эльфриды. То, как она вздрогнула от неожиданности при виде визитера, выходящего из внутренних комнат дома, показало, что она не ожидала этого на диво простого решения проблемы, которым незнакомец был целиком и полностью обязан находчивости Уильяма Уорма.

Она предстала перед ними в самом обольстительном из всех женских нарядов, одетая, так сказать, полуофициально, и великое множество ее кудряшек свободно рассыпалось по плечам. Выражение неловкости туманило ее чело; и, учиты-

вая все, надо сказать, что она выступала недостаточно взрослой для своей роли. Визитер снял шляпу, и первые слова были произнесены, и Эльфрида сперва взглянула на него с изрядным интересом, к которому не примешивалось ни капли изумления в адрес того, по отношению к кому она должна была исполнить свой долг гостеприимства.

– Я – мистер Смит, – произнес гость музыкальным голосом.

– Я – мисс Суонкорт, – сказала Эльфрида.

Ее стеснение как рукой сняло. Огромная разница между реальным человеком, которым она сейчас любовалась, и тем неразговорчивым, мрачным, резким, пожилым дельцом, коего нарисовало ее воображение, – джентльменом, чье платье пропиталось бы городской гарью, с болезненно-бледным цветом лица от нехватки солнца, да его разговором, приправленным эпиграммами, – эта разница была для нее столь большим облегчением, что Эльфрида просияла улыбкой, почти засмеялась в лицо новоприбывшего.

Стефан Смит, которого до этого времени скрывала от нас ночная тьма, был в том возрасте, когда он обладал наружностью юноши и едва ли мог считаться взрослым мужчиной по летам. Если судить по его внешности, Лондон был последним местом на свете, которое можно было бы вообразить подмостками для его деятельности: несомненно, такой человек не мог вырасти в гари и грязи, в тумане и пыли; такое открытое выражение лица никак не могло появиться у челове-

ка, живущего в городе, «где волненья, лихорадка, стенанья, жалобы земной тщеты»[11], который зовут вторым Вавилоном.

Фигура у него была столь же хороша, как у Эльфриды; румянец его был таким же нежным. Очерк его губ по форме был столь же совершенным, как изгиб Купидонова лука, и такого же вишнево-красного цвета. Светлые, кудрявые волосы, яркие, сияющие серо-голубые глаза; он краснел, как мальчик, и у него были мальчишеские манеры; ни бакенбард, ни усов он не носил, а легкий светло-коричневый пушок над верхней губой едва ли заслуживал последнего названия – вот каков был этот профессионал-лондонец, ожиданье визита которого доставило Эльфриде столько беспокойства.

Эльфрида сказала скороговоркой, что, к сожалению, мистер Суонкорт не сможет принять его сегодня вечером, и объяснила почему. Мистер Смит отвечал голосом, что был скорее мальчишеским от природы, но более мужественным благодаря хитрости оратора, что искренне опечален услышанными новостями; однако поскольку в данной встрече все заинтересованы, то факт, что она произойдет с отсрочкой, не имеет ни малейшего значения.

Стефану показали его комнату. Пока он отсутствовал, Эльфрида украдкой проскользнула в отцовскую спальню:

– Он приехал, папа. Такой молодой для делового человека!

---

[11] Цитата из стихотворения Джона Китса «Ода соловью». Перевод Е. Витковского.

– О, неужели!

– Его лицо, оно такое… ах, такое… СИМПАТИЧНОЕ; прямо как мое.

– Хм, и что с того?

– В общем, ничего, это все, что я о нем знаю. Просто чудесно, правда?

– Ну, ну, мы увидим, когда узнаем его получше. Спустись-ка вниз да распорядись, чтобы бедный парень нашел что выпить да поесть, ради бога. И когда он отужинает, я повторяю, я хотел бы перемолвиться с ним словечком, если он не возражает подняться сюда.

Юная леди снова проскользнула вниз, и, пока она ожидает прихода молодого Смита, следует привести здесь оба письма, что относятся к его визиту в эти края.

От МИСТЕРА СУОНКОРТА – МИСТЕРУ ХЬЮБИ

*ЭНДЕЛСТОУНСКИЙ ПАСТОРСКИЙ ДОМ, 18 февраля 18***

СЭР!

Мы подумываем о восстановлении башни и крыла церкви в здешнем приходе, и лорд Люкселлиан, патрон прихода, упомянул ваше имя как заслуживающего доверия архитектора, которого желательно просить взять на себя руководство этой реставрацией.

Я совершенно несведущ в том, какие должны быть пред-

приняты первые необходимые шаги. Тем не менее возможно, что самым первым из них (в том случае, если вы и впрямь, как лорд Люкселлиан сказал, согласны помогать нам) будет следующий: вы сами или кто-то из ваших помощников приедет к нам и осмотрит здание и затем составит об этом отчет, к вящему удовольствию прихожан и всех прочих.

Наше местечко расположено очень далеко: на протяжении четырнадцати миль к нам не ведет ни одна железная дорога, и самая близкая к нам железнодорожная станция – зовется городом, хотя на самом деле это скорее большая деревня, – Касл-Ботерель, расположенный в двух милях от нас, и потому всего удобнее для вас будет остановиться в пасторском доме – я рад предложить вам свой кров, – вместо того чтобы останавливаться в гостинице Касл-Ботереля и возвращаться сюда же утром.

В любой из дней на следующей неделе, который вам будет угодно избрать для визита к нам, вы убедитесь сами, что мы вас примем с радостью.

Искренне ваш,
КРИСТОФЕР СУОНКОРТ

От МИСТЕРА ХЬЮБИ – МИСТЕРУ СУОНКОРТУ
ПЕРСИ ПЛЕЙС, ЧАРИНГ-КРОСС,
*20 февраля 18***
ДОРОГОЙ СЭР!

Повинуясь вашей просьбе от 18 февраля, я условился сде-

лать обзор и эскизы башни и крыла приходской церкви, а также выяснить, насколько велики разрушения, от коих она пострадала, в каком виде дошла до наших дней и вместе с тем – каковы предложения по реставрации.

Мой помощник, мистер Смит, с этими целями покинет Лондон, выехав к вам ранним поездом сегодня утром. Я крайне благодарен вам за то, что вы любезно предложили ему остановиться под вашим кровом. Он воспользуется вашим приглашением и, вероятнее всего, прибудет к вам уже вечером. Можете полностью ему доверять и всецело положиться на его умение разбираться в церковной архитектуре.

Веря в то, что планы по реставрации, которые я подготовлю из отчета об этом путешествии, принесут удовлетворение как вам, так и лорду Люкселлиану, засим я, дорогой сэр, выражаю вам свое совершенное почтение, искренне ваш,

УОЛТЕР ХЬЮБИ

Глава 3

Где птицы дивный мадригал
Слагают в честь уснувших вод[12].

Та первая трапеза в энделстоунском пасторском доме прошла очень приятно для молодого Стефана Смита. Угощение было обильным, как и говорила Эльфрида своему отцу, со всеми необходимыми составляющими тех разнообразных блюд, кои вместе и зовутся ранним ужином с чаепитием – тем своеобразным гастрономическим приветствием, коим потчуют всех, кто уехал в глушь, подалее от горожан и городов, и которое особенно по вкусу и приятно молодым. Стол был красиво убран зимними цветами и декоративными листьями, коими были украшены, радуя глаз, отбивные, курица, пироги и два преогромных пирога, что не помещались на своих блюдах, услаждая взор картиною изобилия.

Наконец, у камина появился чайный прибор, сервированный старомодным вустерским фарфором, и позади него возник легкий силуэт Эльфриды, которая пыталась придать своим движениям горделивость матроны, наливая чай в чашку гостя и не спуская значительного и озабоченного взгляда

[12] Марло К. Страстный пастух – своей возлюбленной. Перевод Игоря Жданова.

с мармелада, меда и взбитых сливок. Поужинав до приезда визитера, она обнаружила, что ей самой ничего другого не остается, кроме как поддерживать с ним беседу, раз уж они не пьют чай вместе. Она сказала ему, что просит извинения, но ей надобно закончить письмо, начатое и брошенное ею на боковом столе, и уже после того, как она принялась за свое послание, она затрепетала при мысли, что, быть может, допустила большую неучтивость. Как бы там ни было, видя, что он не заметил во всем этом ни малейшей неловкости с ее стороны и что он сам смущен еще больше ее оттого, что она внимательно следит за тем, чтобы его чашка не пустела, Эльфрида ощутила в себе меньше скованности; более того, когда он, совсем как школьник, нечаянно пнул ножку своего стола и едва не опрокинул чашку, она сразу же почувствовала себя хозяйкою положения, и разговор ее стал очень непринужденным. Прошло несколько минут, и вот уже бесхитростность обоих и их схожие лета сгладили всякое воспоминание о том, что они только что познакомились. Стефан становился весьма красноречивым, стоило в беседе проскользнуть легкому намеку на его профессию; а Эльфрида, не имея того жизненного опыта, к которому могла бы обратиться, оживленно пересказывала те истории, что поведал ей ее отец, причем с такой верностью к деталям, что тот был бы просто поражен, случись ему это услышать. Одним словом, в тот вечер в доме мистера Суонкорта можно было видеть

прелестную картину Молодости и Красоты[13].

В конце концов, Стефану пришлось подняться наверх и потолковать со священником – и выслушать от него великое множество извинений, которые перемежались оханьями о том, что его вызвали без каких-либо церемоний в спальню к незнакомцу.

– Но, – продолжал мистер Суонкорт, – я чувствую, что должен перемолвиться с вами парой слов нынче ж вечером, это все касательно цели вашей поездки. Ничье терпение не выдержит, если ты прикован к постели весь день из-за внезапной атаки твоего врага – пусть даже это мне в новинку, – ибо до сих пор я имел слабое представление о том, что такое подагра. Как бы там ни было, боль постепенно покидает мой палец, и я полагаю, что буду здоров к завтрашнему утру. Надеюсь, с вами хорошо обошлись там, внизу?

– Лучше нельзя желать. И, несмотря на ваше несчастье, я глубоко сожалею, что вы прикованы к постели, и молю не обращать ни малейшего внимания на мое присутствие в вашем доме.

– Не стану. Но я сойду вниз завтра утром. Моя дочь – превосходный врач. Один-два приема ее мягких микстур поднимут меня на ноги быстрее, чем все таблетки на свете. Ну так вот, насчет реставрации церкви. Присядьте, пожалуйста, сделайте одолжение. Как вы уже могли убедиться, мы не при-

---

[13] В английском оригинале – Sweet-and-Twenty: ласковая фраза, которую ввел в употребление Шекспир.

держиваемся строгих церемоний в наших краях по той причине, что человек цивилизованный редко задерживается у нас надолго; и посему мы можем не тратить понапрасну время, чтобы сблизиться с ним, или же он может уехать отсюда задолго до того, как мы завяжем с ним тесное знакомство. Эта наша башня, как вы увидите сами, уже разрушена настолько, что не подлежит никакой реставрации, но церковь еще в более-менее приличном состоянии. Вам следует взглянуть на иные церкви в здешних местах. Полы сгнили, плющ заплел все стены.

– Боже всемогущий!

– О, это пустяки. Мои прихожане, если шторм или дождь разгуляются во время службы, просто открывают свои зонтики и держат их раскрытыми до тех пор, пока не перестанет капать с потолка. А теперь, если вы будете столь любезны принести мне вон те бумаги и письма, что лежат на столе, я покажу вам, как далеко мы продвинулись.

Стефан пересек комнату, чтобы принести бумаги, и священник, казалось, смог повнимательнее рассмотреть стройный стан своего визитера.

– Я полагаю, вы достаточно компетентны? – спросил он.

– Вполне, – ответил молодой человек, слегка покраснев.

– Сдается мне, вы очень молоды… Должно быть, вам не больше девятнадцати лет?

– Мне почти двадцать один.

– Ровно половина моих лет – мне сорок два.

– Кстати говоря, – произнес мистер Суонкорт после того, как они немного обсудили дела, – вы сказали, что ваше полное имя Стефан Фицморис и что ваш дедушка родом из Кексбери. С тех пор как я начал с вами разговор, мне пришло на ум, что я что-то о вас знаю. Вы принадлежите к хорошо известной старинной семье графства – с простыми Смитами эта семья не имеет ничего общего.

– Не думаю, чтобы мы имели хоть каплю крови в их жилах.

– Вздор! Это ясно как день. Подайте-ка мне «Земельное дворянство». Так, посмотрим. Вот, Стефан Фицморис Смит – он покоится в церкви Святой Мэри, не правда ли? И вот из этого семейства происходят Лизворти Смиты, а также – побочно – генерал, сэр Стефан Фицморис Смит из Кексбери…

– Я, я видел там его монумент, – сказал Стефан. – Но нет никаких связей между его семьей и моей: их просто не может быть.

– Возможно, нет ни одной, что была бы вам известна. Но взгляните на это, мой дорогой сэр, – сказал священник, ударяя пальцем по столбику кровати, чтобы еще больше подчеркнуть свои слова, – вот вы стоите предо мною, Стефан Фицморис Смит, живущий в Лондоне, но происходящий из Кексбери. Здесь, в этой книге, находится генеалогическое древо Стефанов Фицморисов Смитов из усадьбы Кексбери. В наши времена вы можете быть семьей профессиональных

работников – я не собираюсь устраивать вам допрос, я не задаю вопросов такого рода, не в моей натуре так поступать, – но это столь же просто, как ваш нос, что вы являетесь его потомком! Ну, мистер Смит, я поздравляю вас с вашим происхождением – голубая кровь, сэр; и, клянусь жизнью, это желанный ее цвет для многих с тех пор, как стоит мир.

– Я бы желал, чтобы вы меня поздравляли с чем-либо, что более осязаемо, – сказал молодой человек столь же печально, сколь скромно.

– Вздор! Это придет со временем. Вы молоды: у вас вся жизнь впереди. Теперь взгляните – видите, как далеко в туманы древности уходят корни моей собственной семьи, Суонкортов. Здесь, видите, – продолжал он, переворачивая страницу, – это Джоффри, один из моих предков, который лишился баронства из-за того, что однажды отпустил неудачную шутку. А, да все мы таковы! Но его история – слишком длинная, чтобы ее теперь рассказывать. Да, я бедняк – джентльмен, что едва сводит концы с концами, это факт: те, с кем я мог бы водить знакомство, не желают быть моими друзьями; те, кто желал бы со мной дружить, стоят гораздо ниже меня на общественной лестнице. Если не считать обедов у одного-двух семейств да периодических бесед – порою и обедов – с лордом Люкселлианом, моим родичем, я совершенно один – совершенно!

– У вас есть ваши занятия, ваши книги и ваша… ваша дочь.

– О да, да; и я не могу пожаловаться на настоящую нужду. Canto coram latrone[14]. Что ж, мистер Смит, не позволяйте мне задерживать вас больше в комнате больного. Ха! Это напомнило мне один анекдот, что я слышал в свои молодые годы. – Тут священник издал несколько смешков, и Стефан взглянул на него вопросительно. – Ах нет, нет!.. Это слишком неприличный… слишком неприличный анекдот, чтобы вам рассказывать! – продолжал мистер Суонкорт вполголоса, с мрачным весельем. – Ну, ступайте вниз; моя дочь приложит все силы, чтобы скрасить вам вечер. Попросите ее спеть вам – она поет и играет очень недурно. Доброй ночи; я чувствую себя так, будто знаю вас пять-шесть лет. Я дерну за сонетку, чтобы кто-нибудь свел вас вниз.

– Не беспокойте себя, – сказал Стефан. – Я смогу и сам найти дорогу.

И он спустился вниз, думая о сладостной свободе манер, принятой в дальних уголках страны, которая столь отличалась от чопорности Лондона.

– Я позабыла предупредить вас, что мой отец глуховат, – сказала Эльфрида встревоженно, когда Стефан вошел в маленькую гостиную.

– Все в порядке; я об этом прекрасно осведомлен, и мы с вашим отцом стали большими друзьями, – отвечал молодой

---

[14] Неполная фраза из высказывания Ювенала: cantabit vacuus coram latrone viator – «путник, у которого нет ничего при себе, может распевать в присутствии разбойника» (лат.). Перевод Д. Недовича и Ф. Петровского.

человек с энтузиазмом. – И, мисс Суонкорт, будете ли вы так добры спеть для меня?

Самой мисс Суонкорт эта просьба показалась исключительно прямой, каковой она и вправду была, хотя она догадывалась, что ее отец приложил к этому руку, зная по собственному опыту, сколь бесцеремонно он использует ее, чтобы усладить слух своих **скучных** гостей. С другой стороны, манеры мистера Смита были слишком бесхитростными, чтобы он мог оказаться критиком, а его лета – слишком юными, чтобы вызвать у нее какие-то опасения, поэтому она была готова – если не сказать, рада – согласиться. Подойдя к резной этажерке, она перебрала ноты, и из всех, что хранились в ее семье на протяжении долгих лет, а также из всех песенок, что играла и певала ее мать, Эльфрида выбрала один романс, села за пианино и начала петь «Это было на склоне зимнего дня» прелестным контральто.

– Вам нравится эта старая вещица, мистер Смит? – спросила она, окончив пение.

– Да, мне очень понравилось, – сказал Стефан; слова, что он произнес, и совершенно искренне, он сказал бы по поводу любого музыкального творения на свете, на которое бы пал ее выбор, будь то веселая песенка или реквием.

– Вам надо услышать вещицу, написанную Де Лейром, что дала мне списать одна молодая французская леди, которая гостила в усадьбе Энделстоу:

Je l'ai plante, je l'ai vu naitre,
Ce beau rosier ou les oiseau, etc.[15] —

и тогда я вам под конец исполню мою самую любимую песню, что принадлежит перу Шелли, «Разобьется лампада, не затеплится луч», кою положила на музыку моя бедная мать. Мне столько радости доставляет мысль о том, что я пою тому, кто ДЕЙСТВИТЕЛЬНО меня слушает.

Каждая женщина, что произвела на мужчину впечатление, кое останется с ним навсегда, после обычно встает перед его мысленным взором, приняв облик какого-то определенного воспоминания, коему, мнится, предопределено было стать тем особенным ее образом, что возникнет на всех страницах дневника его памяти. Как в представлении человека Средневековья любой святой покровитель непременно обладал своей определенной позой и регалиями, так и возлюбленная в глазах истинной Любви, можно сказать, тоже открыто обладает своею позой и регалиями, и без них она редко появляется в мечтах влюбленного, и, чтобы представить ее без них, потребуются немалые усилия, и это несмотря на то, что потом, при более близком знакомстве, влюбленный может ее увидеть еще в огромном множестве других поз, что будут куда больше подходить его юношеским грезам.

---

[15] «Я его посадила, я видела, как он растет, // Этот прелестный розовый куст, куда прилетают петь птицы» (*франц.*). На самом деле этот романс, который называется «Le rosier» («Розовый куст»), был написан Жан-Жаком Руссо.

Образ мисс Эльфриды пожелал вобрать в себя ее черты в том наряде, в каком он любовался ею в те минуты, когда она ему пела, поэтому таков отныне был ее неизменный облик, который в последующее время она принимала, представая днем и ночью перед внутренним взором Стефана. Он всегда видит перед собою профиль молодой женщины в бледно-сером шелковом платье с отделкой из лебяжьего пуха, кое спереди открыто, как жилет, только без какой-либо нижней рубашки; холодный серый цвет наряда вступает в восхитительный контраст с теплыми красками ее лица и шеи. В тот миг свет самой дальней свечи, стоящей на фортепьяно, сливается воедино с очертанием ее милой головки, и эта свеча, что сама видна лишь наполовину, вдруг преображает копну ее кудрявых волос в облаковидное светлое сияние, что окружает ее голову дивным ореолом. Ее пальчики порхают по клавишам фортепьяно, ее губки приоткрыты, и с них слетают переливчатые трели, выводя нежным диминуэндо[16] заключительные слова печальной апострофы[17]:

Что ж ты плачешь и ноешь,
Что ты, сердце, в тоске?
Не само ли ты строишь
Свой покой на песке?[18]

---

[16] Диминуэндо (diminuendo, *итал.)* – музыкальная фраза с постепенно затихающим звуком.

[17] Апострофа – риторическое обращение.

[18] Перси Биши Шелли. Разобьется лампада, не затеплится луч. Перевод Бориса

Ее голова наклонена немного вперед, а глаза прямо и цепко устремлены на начало страницы нот, стоящих перед ней раскрытыми. Затем она кидает быстрый взгляд на лицо Стефана, а потом – еще более быстрый взор обратно, к ее занятию; с ее лица сходит печальное выражение, и в то же время на нем проступает выражение игривого лукавства, – выражение, что задерживается на ее лице на некоторое время, но так никогда и не становится несомненной улыбкою флирта.

Неожиданно Стефан поменял свое место, что занимал справа от нее – он перешел по ее левую руку, где было как раз достаточно пространства для маленькой оттоманки, что помещалась между фортепьяно и углом комнаты. Он протиснулся в этот укромный уголок и стал оттуда мечтательно смотреть на Эльфриду. Столь долго и столь внимательно он на нее смотрел, что румянец на ее щеках начал приобретать все более и более алый оттенок с каждой строчкою песни, что она пела. Окончив пение и пробыв в неподвижности и молчании одну-две минуты после того, как отзвучала последняя фраза, она отважилась снова на него взглянуть. По его лицу было видно, что он несказанно подавлен.

– Вы в своей жизни слышали не так уж много песен, не правда ли, мистер Смит, и поэтому приняли так близко к сердцу ту, что исполнила я?

– Быть может, то был смысл и само исполнение песни, что

Пастернака.

произвело такое глубокое впечатление – на меня, я имею в виду, – отвечал он мягко.

– Полно, мистер Смит!

– Но это совершенная правда: я в своей жизни слышал очень мало песен. Сдается мне, вы можете заблуждаться на мой счет. Оттого что я прибыл, как незнакомец, в уединенный уголок, вы могли подумать, что я явился из самой гущи жизни и знаю о последних веяниях дня. Но это вовсе не так. Моя жизнь столь же спокойна, как ваша, и столь же одинока – одинока, как смерть.

– Смерть, что наступает от избытка жизни? Ну, говоря по правде, должна признать, что вы отнюдь не самый худший слушатель из всех, что я видала до вас. Вы не показали себя ни критиком, ни знатоком, и вы не… не придираетесь к каждой мелочи. Вот почему я, не стесняясь, пою вам арии, которые знаю лишь наполовину. – И тут же она, подумав, что нанесла ему нечаянную обиду, прибавила наивно: – Я хочу сказать, мистер Смит, что это ваше достоинство, а не недостаток, что вы так молоды и не очень искушены в музыке. И, сдается мне, вам не кажется, что моя здешняя жизнь – очень посредственная и скучна я.

– Разумеется, я так не думаю, – сказал он с горячностью. – Ваша жизнь, она должна быть восхитительно поэтичной, и оживленной, и наполненной бесконечной новизной, и…

– Опять вы за свое, мистер Смит! Что ж, люди другого склада, когда мне удается разговорить их, когда они стано-

вятся достаточно честными, чтобы сказать правду мне в лицо, думают как раз обратное: что моя жизнь должна быть нестерпимо скучной почти все время, а приятной – лишь исключительно в те несколько дней, что они гостят в здешних краях.

– Я бы мог жить здесь вечно! – воскликнул он с таким пылом, а в глазах его бессознательно отразилось столь явное признание, что Эльфрида, пораженная этим, стала думать, что ее пение подожгло маленькую Трою в сердце Стефана.

Она быстро сказала:

– Но вы же не можете жить здесь всегда.

– Ах да.

И он погрузился в размышления, уйдя в себя, словно чуткая улитка, что втягивает голову в свою раковину.

Чувства Эльфриды вспыхнули так же быстро, как и его собственные, а наименьшая из маленьких женских слабостей – любовь к восхищенным похвалам – послужила движущей силою этой страсти, что повлияла на него столь похвальным образом, тогда как ее скромность создала у Эльфриды впечатленье, что это она виновата во всем.

Глава 4

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят[19].

На следующее утро Стефан Смит проснулся с первым светом зари, имея на то личные причины. Из окна своей комнаты он прежде всего увидел два крутых откоса, что отлого спускались вниз, образуя букву V. У их подножия, словно жидкость в воронке, плескалось море, маленькое и серое. На выступе одного холма, который был гораздо выше своего соседа, стояла та самая церковь, что была целью его приезда. Одиноко стоящее здание было темным и пустым и тянулось к небу, стоя на самом краю холма. К церкви этой примыкала квадратная, крайне ветхая башня, у которой не осталось уже ни зубцов, ни шпиля и коя выглядела словно конечный итог всякой жизни, выраженный в монолите, что был скорее естественным продолжением и единым целым с горным хребтом, чем строением, возведенным руками человека. Церковь окружала низкая стена; над этой стеной на общем уровне возвышалось кладбище – не такое, какими бывают все обыкновенные кладбища, не часть сельского пейза-

---

[19] Томас Грей. Сельское кладбище. Элегия. Перевод В. А. Жуковского.

жа с его непременным разнообразием в распределении светотени, но простые линии на фоне небес, коими были очертания могил и очень малое количество могильных плит. Ни единое деревцо не могло выжить там; ничего там не росло, кроме однообразной серо-зеленой травы.

Спустя пять минут после того, как он сделал этот случайный обзор, его спальня опустела, а сам он тихо вышел из дому.

Спустя два часа он вновь появился в своей комнате, разгоряченный и сияющий. Теперь он позаботился обо всех деталях своего туалета, чем пренебрег в первый раз. И у него был вид очень цветущего молодого человека после той таинственной утренней пробежки. Очерк его губ и вовсе был триумфом его общественного класса. То были чистые линии, пикантный изгиб губ Уильяма Питта[20], что верно отражен в хорошо или же плохо известном бюсте работы Ноллекенса[21], – тот очерк губ, который сам по себе уже составляет счастье молодого человека, если знать, как с выгодой использовать это преимущество. Линия его круглого подбородка, в

---

[20] Уильям Питт-младший (1759–1806) – известный британский премьер-министр, самый молодой за всю историю страны, который около двадцати лет оставался на своем посту.

[21] Джозеф Ноллекенс (1737–1823) – британский скульптор, который сделал множество бюстов Уильяма Питта-младшего, что пользовались огромным спросом, так как этот политик был очень популярен в Великобритании. Такой бюст можно было нередко встретить в частном доме или государственном учреждении.

верхней части которого была ямочка, вела далее тот полный и совершенный изгиб, где в месте соединения, казалось, сходились в одну точку она сама и низ его нижней губы.

Один раз его губы прошептали имя Эльфриды. Ах, вот она где! Она на лужайке, одета в простенькое платьице, на ней ни шляпки, ни чепчика, и бегает с мальчишеской быстротой, к которой добавляется девичья легкость, гоняясь за ручным кроликом, коего она пытается поймать, но стратегически важные интонации, что звучат в ее убеждающих словах, кои перемежаются с отчаянными рывками, находятся в таком явном несоответствии между собою, что пустопорожность всех этих обещаний слишком очевидна для ее питомца, что шмыгает туда-сюда и каждый раз осторожно уворачивается от ее рук.

Природа в низине совершенно отличалась от той, что царила на холмах. Заросли кустарников и чащи деревьев защищали это благодатное местечко от дыхания пустыни, даже в это время года трава здесь оставалась пышной. Ни один порыв ветра не долетал сюда сквозь защитный пояс вечнозеленых деревьев, и ветер попусту растрачивал свои силы, обдувая высокие и сильные стволы тех гигантов, что росли на внешней опушке этого леска.

Затем он услышал, как грузный человек идет, шаркая туфлями, и зовет: «Мистер Смит!» Смит перешел в кабинет и обнаружил там мистера Суонкорта. Молодой человек высказал ему свою радость по поводу того, что видит его внизу.

– Ох да, я знал, что совсем скоро почувствую себя хорошо. Подагра началась у меня не более двух с лишком лет назад, и, как правило, на другой день она меня оставляет. Ну что, где же вы были этим утром? Кажется, я видел, как вы только что вернулись!

– Да, я выходил на прогулку.

– На раннюю прогулку?

– Да.

– Думаю, она была очень ранней?

– Да, было довольно рано.

– Куда же вы ходили? Полагаю, что к морю. Все прямиком идут к морю, когда гуляют.

– Нет, я шел по течению реки, вплоть до стены парка.

– Тогда вы отличаетесь от всех прочих людей вашего склада. Ну, что ж, сдается мне, такое дикое место для вас в новинку, и это соблазнило вас подняться так рано?

– Нет, совсем не в новинку. Мне нравится.

Казалось, молодой человек не был расположен давать объяснения.

– Вам так и положено, так и положено – быть свеженьким, как огурчик, да выходить на прогулку ни свет ни заря после того, как вы проделали путешествие длиной в четырнадцать или шестнадцать миль. Однако я вовсе не собирался оценивать чьи-либо вкусы, и я рад убедиться, что вы не обидчивы. После завтрака, но никак не раньше, я смогу запросто осилить прогулку длиной в десять миль, мистер Смит.

В таком утверждении определенно не было ни малейшего преувеличения. При дневном свете мистер Суонкорт предстал человеком, который, подобно тем двум молодым людям, что жили под его кровом, имел весьма веские основания для того, чтобы считаться красивым – красивым в том смысле, в каком луна – яркая: ее ложбины и впадины при более близком рассмотрении, кажется, только делают ее поверхность разнообразнее и потому ничуть ее не портят. Он обладал таким цветом лица, что никогда не темнел в области щек и никогда не светлел на лбу, но всегда оставался равномерным; то был обыкновенный, нейтральный, лососевый цвет лица человека, что отлично питается – если не сказать, чересчур отлично – и не утруждает себя тяжкими думами; каждая пора на его лице явно была в прекрасном здравии. Во всем его существе было что-то от чрезвычайно вылощенного выходца из фермерского сословия, который носит наряд не по чину; что-то от несгибаемого, крепко стоящего на своих ногах человека, который если и упадет, то непременно завалится назад, случись ему потерять равновесие.

Обстановка в доме священника была такой, какой ей и полагается быть, продиктованной его учеными занятиями. На этом и кончалось всякое сходство с обыкновенным пасторским домом. На каминной полке тянулись ряды бутылочек с лекарствами для лошадей, свиней и коров, занимая собою все ее пространство, у стены стоял на возвышени стол, сделанный из фрагментов старых дубовых церковных ворот. На

этом столе громоздились чучела – совы, гагары и чайки, а над ними висели связки колосьев пшеницы и ячменя с бирками, где стояли даты урожая, что дал их. Некоторые ящики и полки были более-менее обременены книжными томами, самыми видными среди коих были сочинения доктора Брауна «Заметки о римлянах», доктора Смита «Заметки о коринфянах» и доктора Робинсона «Заметки о галатах, эфесянах и филиппийцах», что создавали в этой комнате атмосферу рабочего кабинета, несмотря на девчачий кукольный дом, стоящий на них сверху, да морской аквариум на окне, да шляпку Эльфриды, что висела на его углу.

– К делу! К делу! – воскликнул мистер Суонкорт после завтрака. Он начал видеть необходимость в том, чтобы играть роль маховика в отношении несколько неуправляемых сил своего визитера.

Они приготовились идти к церкви; священник по зрелом размышлении решил ехать на своей вороной кобыле, чтобы поначалу не слишком утруждать свою ногу. Стефан заметил, что нужно бы взять в помощь слугу.

– Уорм! – закричал священник во всю глотку.

Спустя одну-две минуты за углом здания послышался голос, бормочущий:

– Ах, когда-то давно я был так силен, а теперь все минуло! Ну, вот он я, столь же независимый, как тот, кто успевает и там и сям, даже если он взаправду пишет «сквайр» после своего имени.

– В чем дело? – спросил священник, когда перед ним предстал Уильям Уорм.

Тогда все эти замечания ему повторили.

– Иной раз Уорм изрекает очень дельные мысли, – сказал мистер Суонкорт, повернувшись к Стефану. – Взять, к примеру, это слово – «сквайр». Знаете ли вы, мистер Смит, что словцо «сквайр» теперь просто пошло вразнос – его использует в своих письмах любой нахальный фат, у которого найдется черный пиджак. Что-нибудь еще, Уорм?

– Ох, люди опять принялись за свою жарку!

– Боже великий! Мне жаль это слышать.

– Да, – сказал Уорм страдальческим тоном, обращаясь к Стефану. – Такой шум стоит в моей бедной голове, что я не знаю покоя ни днем ни ночью. Это как будто люди собрались всем миром да жарят рыбу: жарят ее, жарят, жарят весь день напролет в моей несчастной голове – до того, что я уж и вовсе перестаю различать, тут ли я иль еще где нахожусь. Но я уповаю на то, что Господь Всемогущий рано иль поздно поймет, в чем тут дело, да ослобонит меня.

– А вот моя глухота, – промолвил мистер Суонкорт внушительным тоном, – это мертвое молчание, однако Уильям Уорм у нас принадлежит к персонам того сорта, у которых день-деньской в голове люди шумно жарят рыбу. Весьма удивительно, не правда ли?

– Да, это воистину удивительно, – согласился мистер Смит.

– Очень своеобразно, очень своеобразно, – эхом отозвался священник, и затем все они стали гуськом подниматься по тропинке на холм, а с обеих сторон дорожки тянулись низкие каменные стены природного происхождения, в коих сияли куски кварца и кроваво-красного мрамора, кои, судя по всему, были бесценными, поскольку выходили на поверхность из бурого аллювия[22]. Стефан шагал с достоинством человека, находящегося близко от лошадиной головы, Уорм плелся позади, спотыкаясь о каждый камень, а Эльфрида не находилась нигде в частности, а была, по сути, везде – иногда она забегала вперед, иногда назад, порхая то с одной, то с другой стороны, и кружила над процессией, как бабочка: не слишком интересуясь путешествием, но каким-то чудом идя в ногу вместе со всеми.

Священник объяснял положение дел, пока они поднимались в гору:

– По правде говоря, мистер Смит, я вовсе не хотел всех этих хлопот, связанных с капитальным ремонтом церкви, но надо же что-то сделать, чтобы защитить себя от этих р-раскольников – я, разумеется, употребил это слово в его библейском значении, а не как бранное.

– Как все это странно! – произнес Стефан с интересом, к которому его обязывало искреннее дружелюбие.

---

[22] Аллювий (геол.) – несцементированные наносные отложения постоянных водных потоков, что состоят из валунов, гальки, гравия, песка, суглинка и глины вперемешку.

– Странно? Это еще пустяки по сравнению с тем, что творится в приходе Твинкли. Оба церковных старосты сущие… ну, я не могу произнести вслух, кто они таковы, да только клирик и пономарь с ними заодно.

– Это все весьма удивительно, – сказал Стефан.

– Мой дорогой сэр, да это несравнимо с тем, как обстоят дела в приходе Синнертон. Во всяком случае, что касается нашего прихода, я надеюсь, что мы вскоре продвинемся немного вперед.

– Вы должны положиться на обстоятельства.

– Нет здесь таких обстоятельств, чтобы на них стоило полагаться. Мы можем с тем же успехом положиться на волю Провидения, раз уж нам так приспичило полагаться на что-нибудь. Ну, вот мы и на месте. Дикий уголок, правда? Но я люблю бывать здесь в такие дни.

С этой стороны кладбище открывалось перелазом, взобравшись на который вы по-прежнему оставались на необработанном холме, в пределах коего вы не были так удалены от внешнего мира, чтобы стерлось значение слов: открытая воля. Восхитительное место для того, чтобы служить местом захоронений, если принять за аксиому, что это восхищение будет сопровождать человека и в могиле при любых обстоятельствах. Ничего пугающего не было в этом кладбище, в очертаниях его крепких могильных курганов, которые не были ни скреплены колышками, кои своим видом скорее вопияли бы громко о тюремном заключении, чем нашепты-

вали слова о мире, ни обсажены опрятными садовыми цветами, что только вызывали бы в воображении образы людей в новых траурных крепах и белых шейных платках, приходящих сюда ухаживать за ними; ни следов колес, кои напоминали бы нам о катафалках и траурных экипажах, ни кустов кипариса, что создавали бы скорбный парад, ни свалки из гробовых досок и костей, валяющихся под деревьями, кои напоминали бы нам о том, что мы всего лишь арендаторы наших же могил. Нет, здесь не было ничего, кроме высокой, дикой, неухоженной травы, что придавала менее однообразный вид могильным холмам, кои она укрывала, – они сами имели различные формы, в собрании которых не было особой гармонии; все это, да впечатляющее присутствие маячившей на заднем плане старой горы, говорило о том, что сей пейзаж отчасти присутствует в небытии, не беря в расчет маскирующее его искусство. За пределами кладбища были знакомые откосы да знакомая трава; а дальше виднелось безмятежное, спокойное море, гладь которого простиралась до половины горизонта и создавала впечатление широкой впадины, словно то была внутренность синего сосуда. Отдельные скалы высились вертикалями вдалеке, морская пена цепью опоясывала их подножия, и ее белизна повторялась в оперении бесчисленного множества чаек, что без устали там кружили.

– Пришли, Уорм! – резко крикнул мистер Суонкорт, и Уорм тут же принял позу почтительного внимания и готовно-

сти выполнять приказы. Стефан и Уорм были затем предоставлены сами себе, и работа у Стефана кипела вплоть до раннего полудня, пока их не позвала к обеду Юнити, что занималась готовкой в пасторском доме и прибежала к ним на холм, не одевши чепчик.

Эльфрида не появлялась внутри церкви вплоть до позднего полудня и пришла только после особого приглашения Стефана, кое он сделал ей за обедом. Она была столь полна энергии и необыкновенной живости, когда переступила порог старого молчаливого здания, что мир юного мистера Смита вдруг во всей своей определенности озарился «румяным светом»[23]. Он отослал прочь Уорма, поручив тому измерить высоту башни.

Разумеется, она не могла не подойти к нему поближе – настолько близко, что колокол ее юбки коснулся его ноги, – и не начать расспрашивать его о том, каковы успехи в создании набросков, да разузнавать, каковы принципы практического измерения зданий, когда речь идет о церквах, не соответствующих правилам симметрии. Затем она не могла удержаться от того, чтоб не взойти на кафедру да вообразить себя в тысячный раз в роли проповедника.

Вскоре она перегнулась к нему через кафедру.

– Вы ведь не скажете папе, не правда ли, мистер Смит, если я поведаю вам кое о чем? – спросила она, захваченная внезапным порывом откровенности.

---

[23] Томас Грей, ода «Успехи стихотворства». Перевод П. Голенищева-Кутузова.

– О нет, ничего ему не скажу, – отозвался он, глядя на нее снизу вверх.

– Так вот, я очень часто пишу для папы его проповеди, и он произносит их гораздо лучше, чем свои собственные; и потом, когда он позже толкует с людьми и со мною о том, что говорил в своей проповеди в тот день, он забывает, что это я ее для него написала. Ну, не глупо ль все это?

– Как вы должны быть умны! – воскликнул Стефан. – Я не смог бы написать проповедь ни за что на свете.

– О, это довольно просто, – сказала она, спускаясь вниз и подходя к нему поближе, чтобы лучше объяснить. – Вы делаете это вот как. Играли вы когда-нибудь в фанты с заданиями «Когда это было? Где это было? Что это было?»?

– Нет, никогда не доводилось.

– Ах, вот досада, поскольку сочинение проповеди очень напоминает эту игру. Вы берете текст. Вы задаете себе вопросы: почему это было? что это было? – и так далее. Вы оцениваете все это в целом. Затем вы переходите к *во-первых, во-вторых* и *в-третьих.* Папа не хочет включать в проповедь *в-четвертых* – говорит, что это вздор. Затем вы приступаете к финальному *в Совокупности,* и несколько страниц, которые этому посвящены, заключаете в черные скобки, напротив которых отмечаете: «ПРОПУСТИ ЭТО, ЕСЛИ ВСЕ ФЕРМЕРЫ УСНУЛИ». После чего следует ваше *в заключение* и *еще несколько слов, и я умолкаю.* Ну, и повсюду, на оборотной стороне каждой страницы требуется над-

писать: «ПОНИЖАЙ ГОЛОС». Я имею в виду, – прибавила она, поправляя себя, – что вот так я и веду папину книгу проповедей, поскольку, не напиши я этих слов, он начнет говорить все громче и громче, пока не станет кричать во весь голос, как фермеры в полях. О, папа в некоторых ситуациях бывает такой забавный!

Затем, после этого всплеска детской откровенности, она перепугалась и замолчала, словно в ней заговорил женский инстинкт, предупреждающий, что на миг ее пылкость завела ее слишком далеко и она выболтала много лишнего случайному незнакомцу.

Тут Эльфрида увидела своего отца и побежала к нему навстречу, а ветер дул ей в лицо, и когда она угодила в лапы сильного порыва ветра, спускаясь по склону кладбища, то невольно ее движения были словно у девчонки-сорванца, а неосознанная грация ее движений была как у балерины. Она перекинулась словечком с отцом, поболтав с ним минуту-две, и направилась в сторону дома, а мистер Суонкорт переступил порог церкви и подошел к Стефану. Ветер освежил его разгоряченное от ходьбы лицо, как обычно задувает пылающую головню. Пастор был в веселом расположении духа и с улыбкой следил за тем, как Эльфрида спускается по склону холма.

– Ах ты, моя маленькая ветреница! Ты просто настоящий сорванец, – вымолвил он ей вслед и повернулся к Стефану: – Но она совсем не дикарка, мистер Смит. У нее столь же ров-

ный характер, как и у вас, а то, что вы обладаете спокойствием, я вижу по вашему усердию здесь.

– Я думаю, что мисс Суонкорт очень умна, – заметил Стефан.

– Да, она умна; разумеется, умна, – сказал ее отец, заставив звучать свой голос как можно нейтральнее, чтобы то был тон безразличного скептицизма. – Знаете, мистер Смит, я вам поведаю одну тайну, но она не должна узнать об этом ни за что на свете – ни за что на свете, имейте в виду, поскольку она настаивает на том, чтобы это хранилось в глубочайшей тайне. Так вот, ОНА ЧАСТЕНЬКО ПИШЕТ ЗА МЕНЯ ПРОПОВЕДИ и прекрасно с этим справляется!

– Она умеет делать все на свете.

– Да, на это она способна. Моя плутовка знает все тонкости этого ремесла. Но зарубите себе на носу, мистер Смит, не вздумайте ей проболтаться об этом, чтоб ни единого словечка!

– Ни слова ей не скажу, – заверил его Смит.

– Взгляните-ка сюда, – молвил мистер Суонкорт. – Что вы думаете о моих кровельных работах, а? – И он ткнул вверх своей тростью, указывая на крышу над алтарем.

– Неужели вы делали это сами, сэр?

– Да, это я трудился над кровлей, закатав рукава, во все время ремонта. Я и сбрасывал вниз старые стропила, и укладывал новые, и стелил доски, и крыл шифером крышу, и все своими руками, а Уорм был моим помощником. Мы труди-

лись здесь как рабы, правда, Уорм?

– Ох, святая правда, уж мы и трудились, да потяжелее, чем иные порой-то… хе, хе! – отозвался Уильям, появившись перед ним откуда ни возьмись. – Как рабы трудились, истинно так… хе, хе! А припоминаете, как вы, сэр, бывало, выйдите из себя да раскричитесь, если гвозди забивали криво? Ох ты, господи! Ну, так что ж, плохо ль это разве, коли браниться про себя да помалкивать, не давая брани слетать с языка, сэр?

– Что, что?

– Потому как вы, сэр, пока клали эту крышу, бранились про себя мысленно, а, сдается мне, такая брань уже не считается грехом.

– Я не думаю, что ты читаешь в моих мыслях, как в открытой книге, Уорм.

– Ох, сэр, знамо дело, мне этого не дано… хе, хе! Может быть, я всего лишь бедная старая развалина, сэр, и многого не прочту, да только разбираю я по буквам порою не хуже, чем иные-прочие. Вспомните-ка, сэр, ту ночь, как бушевал страшный шторм; вы работали в своей мастерской да попросили меня подержать вам свечу, пока вы сами делали новую креслу на кафедру алтаря?

– Да, и что с того?

– Я светил вам свечой, а вы сказали, что любите общество, даже если это всего лишь кошка или собака, имея в виду меня; а новая кресла для кафедры у вас не выходила, и все

тут.

– Ну, теперь я припоминаю.

– Да, не выходила, и все тут. Смотрелось-то оно еще недурно, да только – бог ты мой!

– Уорм, сколько раз я должен одергивать тебя за непристойную брань?

– Так вот, энто кресло смотрелось-то еще ничего, но вам невмочь было на нем усидеть. Как только вы усаживались в него, кресла вся изгибалась, что твоя буква Z. «Протри-тка ты глаза, Уорм», – сказали вы, как увидали, что кресла шатается в такт с тем, как я клюю носом. Как сграбастали вы тогда энто кресло да как запустили его ко всем чертям на другой конец мастерской – вон как разгневались-то. «Проклятущее кресло», – говорю я. «Именно так я и подумал», – отвечаете вы, сэр. «Я увидал это по вашему лицу, сэр, – говорю я, – и я уповаю на то, что и вы, и Господь простите мне, что я брякнул то, от чего вы удержались». Вы тогда смеялись от сердца, спаси Господь вашу душу, сэр, смеялись над тем, что бедная старая развалина так верно угадала мысли-то ваши. Так-то, и я порой бываю умудрен не хуже, чем иные-прочие.

– Я подумал, что вам лучше бы иметь рядом с собою человека профессионального, который обошел бы с вами церковь и башню, – сказал мистер Суонкорт Стефану на следующее утро, – и потому я получил разрешенье от лорда Люкселлиана послать за его человеком, когда вы прибудете к нам. Я

велел ему быть здесь в десять часов утра. Он очень интеллигентный человек и расскажет вам все, что вы хотите знать, о состоянии наших стен. Его имя Джон Смит.

Эльфрида не пожелала быть снова замеченной в церкви наедине со Стефаном.

– Я буду ждать здесь вашего появления на самой верхушке башни, – сказала она смеясь, – буду любоваться на ваш силуэт на фоне небес.

– И когда я поднимусь наверх, я помахаю вам своим платком, мисс Суонкорт, – сказал Стефан. – Ровно через двадцать минут, – добавил он, взглянув на свои карманные часы. – Я буду на вершине и стану отыскивать вас взглядом.

Она обошла кругом заросли кустарника и спряталась в них, откуда она могла следить за тем, как он спускается с откоса, ведущего к подножию холма, на котором стояла церковь. Она увидела, что его ожидает там крохотная белая фигура – каменщик в его рабочей одежде. Стефан подошел к нему и замер на месте.

К ее удивлению, они оба, вместо того чтобы направиться к церковному кладбищу, медленно присели на каменную глыбу, неподалеку от их места встречи, да там и остались, словно погрузились в серьезную беседу. Эльфрида взглянула на часы – девять минут из двадцати прошло, а Стефан и не думал трогаться с места. Еще больше минут пробежало – она стала мерзнуть, ожидая, и дрожать от холода. Прошло никак не меньше четверти часа, прежде чем они начали под-

ниматься на холм улиточным шагом.

– Какая грубость и полнейшее отсутствие манер! – воскликнула она про себя, покраснев от обиды. – Можно подумать, он влюблен в этого каменщика, вместо того чтобы любить…

Фраза осталась недосказанной, однако она продолжила ее мысленно.

Эльфрида вернулась обратно к крыльцу.

– Неужели человек, за которым ты посылал, лентяй, лежебока, типичный пример бездельника? – накинулась она на отца.

– Вовсе нет, – ответил он с удивлением, – как раз наоборот. Это главный каменщик лорда Люкселлиана, Джон Смит.

– О, – молвила Эльфрида равнодушно и вернулась к своему наблюдательному посту, и снова стала ждать и дрожать от холода. В конце-то концов, это же был пустяк – детская забава! – высунуться из окна башни и махать платком. Но ведь ее новый знакомец сам это пообещал, почему же он тогда ее дразнит? Сила удара в своем импульсе всегда соответствует душевному складу той особы, на которую он обрушивается; а ее способность обижаться была столь велика, что булавочный укол и тот наносил ей тяжелую рану.

Прошло не меньше получаса, прежде чем две маленькие фигуры появились над парапетом печальной громады старинного здания, словно две выпи, взлетевшие на верхушку разрушенной мечети. И даже тогда Стефан не сдержал сво-

его слова, не подал условного знака, который столь галантно пообещал, и исчез с верхушки башни, так и не помахав платком.

Он вернулся в полдень. Эльфрида, казалось, была сильно раздражена и не замечала, что он всюду следовал за ней взглядом; когда же заметила это, то сделалась суровой. В любом случае, холодность в ее обращении с ним намного пережила саму эту холодность, и она не могла больше ни произносить слова с равнодушием, ни прикидываться безразличной.

– Ах, это было очень зло с вашей стороны, что вы заставили меня так долго ждать на холоде, а сами нарушили ваше обещание, – молвила она ему в конце концов с упреком, говоря слишком тихо, чтобы ее отец был властен это услышать.

– Простите, простите меня! – сказал Стефан в унынии. – Я и забыл – совсем забыл! Что-то помешало мне вспомнить.

– Ваши дальнейшие извинения? – произнесла мисс Своенравие, надув губки.

Он помолчал немного и взглянул на нее искоса.

– Их не будет, – отвечал он, и его голос прозвучал, как у человека, скрывающего некий грех.

Глава 5

И над зеленью дубров
Кромка башенных зубцов[24].

Было время завтрака.

Из окон столовой пасторского дома, кою согревал и освещал свет пылающего камина, погода и окружающий пейзаж словно стали игрою однообразных серых теней. Раскидистые деревья, кусты можжевельника, кедры и сосны казались серовато-черными; а растительность, что принадлежала к широколиственным сортам, так же как и трава, казалась серовато-зеленой; бесконечная гряда холмов и башня, что высилась позади них, казались серовато-коричневыми; а небеса, выступая здесь всеобщим фоном, приобрели серый цвет чистейшей меланхолии.

Все же, несмотря на этот мрачный художественный эффект, утро не было одним из тех, что навевают плохое настроение. Оно было даже радостным. Объяснялось же это тем, что в тот день не было дождя, и, по всей видимости, его не должно было быть еще много дней.

Эльфрида отвернулась от столика у огня и поднесла ручной экран к своему лицу, когда услыхала щелчок, что донесся от маленьких наружных ворот.

---

[24] Дж. Мильтон. Поэма «L'Allegro» (*итал.* веселый). Перевод Ю. Корнеева.

– Ах, это, должно быть, почтальон! – закричала она, в то время как ловкий, энергичный человек вошел в проход в кустарнике и пересек газон.

Она исчезла в мгновение ока и встретила его на крыльце, а после воротилась обратно, держа руки за спиной.

– Посмотрим, сколько же тут? Три для папы, одно для мистера Смита и ни единого – для мисс Суонкорт. И, папа, взгляни, одно из твоих писем – от кого, как ты думаешь? – от лорда Люкселлиана. И в нем что-то ТЯЖЕЛОЕ – какой-то сверток. Я нащупала его сквозь бумагу конверта, но не могу разобрать, что это.

– Интересно, ради чего лорд Люкселлиан решил мне написать? – сказал мистер Суонкорт одновременно с нею.

Он передал Стефану его письмо и открыл адресованное ему, и его лицо при этом приняло более сановитое выражение, чем обычно, то выражение лица, что бывает у небогатого джентльмена, когда тот собрался читать письмо, присланное ему пэром.

Стефан прочел свое послание с куда меньшим удовольствием, чем священник.

ПЕРСИ ПЛЕЙС, вечер четверга.

ДОРОГОЙ СМИТ!

Старина Х. рвет и мечет из-за вашего столь долгого отсутствия ради эскизов церкви. Клянется, что вы доставляете больше хлопот, чем того заслуживаете. Он велел мне

написать вам и передать, чтобы вы не задерживались долее, каковы бы ни были ваши соображения – что сам он управился бы за три часа с необычайною легкостью. Я напомнил ему, что вы еще не набили на этом руку, но сие замечание не произвело на него должного впечатления. В любом случае, говоря между нами и будь я на вашем месте, я бы не стал тревожиться о своем возвращении еще день-другой, если бы не желал воротиться немедленно. Я бы провел выходные в деревне и погулял в свое полное удовольствие. Он все равно будет разоряться, появитесь вы здесь в субботу или же пробудете за тридевять земель вплоть до утра понедельника.

Искренне ваш,
СИМПКИНС ДЖЕНКИНС

– Боже мой, какая неприятность! – вскричал Стефан, скорее en Fair[25], и смутился тем смущением, которое охватывает подчиненного человека, когда он по случайности где-то играет роль своего патрона и тем самым вырастает в собственных глазах до размеров равного тому, а потом новая случайность бесцеремонно сбрасывает его с облаков на землю.

– Что за неприятность? – отозвалась мисс Суонкорт.

К этому мгновению Смит уже вернул себе свою невозмутимость и сопровождающее ее достоинство профессионального архитектора.

---

[25] En Fair (*франц.*) – риторически, ни к кому не обращаясь.

– К сожалению, важные дела требуют моего немедленного присутствия в Лондоне, – ответил он.

– Что! Вы что, должны уехать немедленно? – воскликнул мистер Суонкорт, глядя на него в упор поверх своего письма. – Важные дела? У такого желторотого юнца, как вы, уже нашлись важные дела!

– По правде говоря, – сказал Стефан, покраснев и немного стыдясь того, что приходится ссылаться на обстоятельства, кои, пусть даже в малой степени, никоим образом от него не зависели, – по правде говоря, мистер Хьюби велел одному из своих служащих известить меня письмом, чтобы я возвращался домой; и я не смею его ослушаться.

– Ясно, ясно. Это политика – поступать так, вот что вы имеете в виду. Теперь я понимаю много больше, чем вы думаете. Он собирается в будущем сделать вас своим партнером. Я отметил это в тот самый миг, как прочел его письмо ко мне, присланное на другой день, и тот тон, в котором он описал мне вас. Он очень высокого о вас мнения, мистер Смит, иначе не стал бы так волноваться, чтобы вы поскорее вернулись.

Не могло прозвучать более неприятного для слуха Стефана замечания, чем это – перспектива ожидания партнерства с одним из самых востребованных лондонских архитекторов, которая была сейчас брошена ему в лицо, сколь бы несбыточной она ни была, по его представлениям. Он понял также и то, что, каким бы ни было мнение мистера Хьюби о нем,

мистер Суонкорт определенно оценивал его очень высоко, раз возвел свои соображения на таком хлипком основании, кое, пожалуй, и основанием-то не было. И затем, необъяснимым образом, на его выразительное лицо набежало печальное облачко, и печаль эта была очень далека от всякой истинной возможной причины, что могла ее вызвать.

Эльфрида была поражена его грустным видом; даже мистер Суонкорт заметил его.

– Что ж, – сказал он бодрым тоном. – Не будем больше к этому возвращаться. Вам следует приехать к нам снова уже самостоятельно, не по делам. Приезжайте меня повидать, знаете, скажем, в ваши выходные – у вас, городских жителей, у всех есть каникулы, как у школьников. Когда будут ваши?

– Думаю, в августе.

– Очень хорошо; приезжайте в августе, и тогда вам не придется так торопиться. Я всегда рад видеть у себя человека из порядочного общества, с которым можно поговорить о том о сем, живя в этом диковинном ultima Thule[26]. Но, кстати говоря, я собираюсь вам кое-что предложить – вы же не уезжаете сегодня?

– Нет, сегодня я могу не уезжать, – сказал Стефан нерешительно. – Я могу не возвращаться в Лондон вплоть до утра понедельника.

– Очень славно; тогда я могу смело озвучить то, что со-

---

[26] Ultima Thule (лат.) – край света.

брался предложить. Вот письмо от лорда Люкселлиана. Думаю, вы слышали, как я рассказывал, что это землевладелец, постоянно проживающий в своем поместье, находящемся в здешних краях, и что он патрон этого прихода?

– Я… я его знаю.

– Сейчас он находится в Лондоне. Похоже, что он вырвался в город на денек-другой и прихватил с собой леди Люкселлиан. Он пишет ко мне с просьбой отправиться в его дом и поискать один документ в его личных бумагах, который он забыл взять с собой.

– Что же он прислал тебе с письмом? – настойчиво спросила Эльфрида.

– Ключ от его личного стола, где лежат бумаги. В таких делах он не любит доверять кому-то другому. Я уже не раз выручал его подобным образом. А предложение мое состоит в том, чтобы мы славно провели послеобеденное время там – все трое. Совершим прогулку к бухте Тарген, а вернемся домой через усадьбу Энделстоу; и в то время, пока я буду искать нужный документ, вы вольны бродить по комнатам, сколько душа пожелает. Я в любое время имею право распоряжаться в усадьбе, знаете ли. Само здание хоть снаружи и не представляет собой ничего, кроме великого множества фронтонов, внутри имеет великолепный холл, лестницу и галерею; и в последней найдется несколько замечательных портретов.

– Да, все верно, – сказал Стефан.

– Стало быть, вы там бывали раньше?

– Я видел особняк, когда проезжал мимо, – ответил он поспешно.

– О да, но я упоминал о внутреннем его убранстве. А тамошняя церковь Св. Эвала гораздо старше, чем наша церковь Св. Агнессы. Я произношу проповеди в обеих церквах поочередно, вообразите. Правду молвить, я нуждаюсь в помощнике; ездить через этот парк, что тянется на две мили, да в дождливое утро, не слишком-то приятно. Если б мое тело не было столь хорошо закаленным, каковым оно, благодарение Господу, является, – тут мистер Суонкорт бросил взгляд вниз, на свое тело, словно его закалка была видимой, – я бы хрипел да кашлял без умолку весь год напролет. Когда же семья лорда уезжает, там остается всего трое слуг, перед которыми я произношу проповеди. Ну, так, стало быть, мы уговорились ехать. Эльфрида, желаешь прокатиться с нами?

Эльфрида выразила согласие; и их маленькая компания разошлась после завтрака. Когда Стефан собрался выйти из дому и сделать несколько последних замеров церкви, священник проводил его до дверей с таинственным вопросительным выражением лица.

– Надеюсь, вы спокойно отнеслись к тому, что этим утром мы не стояли на молитве всей семьей? – прошептал он.

– Да, конечно, – отвечал Стефан.

– Говоря по правде, – продолжал священник шепотом, – мы не молимся регулярно; однако, когда у нас живут гости,

я абсолютно убежден, что это необходимо делать, и я всегда это делаю. Но вы, Смит, что-то в вашем лице убедило меня в том, что я могу чувствовать себя как дома; коротко сказать, вы не станете говорить мне чепуху. Ах, это напомнило мне великолепный анекдот, который я слышал давным-давно, когда был таким же беспечным молодым человеком, – какая это была история!.. Но… – Тут священник покачал головой, замыкая самому себе уста, и мрачно рассмеялся.

– Была ли это стоящая история? – спросил молодой Смит, тоже улыбаясь.

– О да, но она слишком неприличная – слишком! Ни за что на свете вам ее не расскажу, и не просите!

Стефан пересек газон и, удаляясь, слышал, как священник тайком посмеивается над своими воспоминаниями.

Они выехали в три часа пополудни. Хмурое утро превратилось в яркий день, когда повсюду разливался бледный солнечный свет, однако солнца не было видно. Беспечно катился их экипаж – стука колес почти не слышалось, цокали копыта лошади, цокали почти мелодично на белой большой дороге с заставой, коя сменялась участком пути, что шел по самому краю холма, затем преображаясь в идеально прямую линию, которая будто бы полностью растворялась в белизне небес.

Бухту Тарген – обладавшую тем достоинством, что до нее было легко добраться, – должным образом осмотрели. Затем они не спеша проехали по бесчисленным проселочным до-

рогам, где прямого и ровного пути не набралось бы и на двадцать ярдов, и достигли владений лорда Люкселлиана. Женщина с двойным подбородком и полной шеей, как у королевы Анны с портрета кисти Даля[27], отворила им ворота парка; рядом с нею стоял маленький мальчик.

– Я подам ему что-нибудь, маленькому бедняжке, – сказала Эльфрида, доставая свой кошелек и торопливо его открывая. Из недр ее кошелька выпорхнула уйма листочков бумаги, словно стая белых птиц, которые закружились в воздухе и разлетелись вокруг.

– Ну, можно не сомневаться! – молвил Стефан с легким смешком.

– Какого черта все это значит? – спросил мистер Суонкорт. – Надеюсь, это не половинки банкнот, Эльфрида?

У Эльфриды был раздраженный и виноватый вид.

– Это просто мои записи, папа, – сказала она с запинкой, в то время как Стефан выскочил вперед и с помощью маленького сынишки сторожихи собирал листочки под колесами экипажа и копытами лошади, пока все разлетевшиеся бумаги не были вновь сложены вместе.

Он отдал их ей в руки и снова сел в экипаж.

– Мне кажется, вы гадаете, что это были за клочки бумаги? – сказала она молодому человеку, как только экипаж

---

[27] Микаэль Даль (1659–1743) – британский живописец шведского происхождения, знаменитый портретист. «Королева Анна», 1702 г. – картина Даля, которая находится в Национальной портретной галерее Лондона.

тронулся с места и покатил по кленовой аллее. – И я вполне могу вам об этом рассказать. Это заметки для романа, который я пишу.

Она не могла не покраснеть, сделав такое признание, хотя прилагала все силы к тому, чтобы этого избежать.

– Вы имеете в виду, художественный роман?[28] – спросил Стефан, а мистер Суонкорт слушал их вполуха и лишь время от времени улавливал отдельные фразы из их разговора.

– Да, и называется он «ПРИ ДВОРЕ ЗАМКА КЕЛЛИЙ-ОН, роман XV века». Я знаю, в наши дни такая проза вышла из моды, но мне нравится это писать.

– Роман, который носят в кошельке! Если бы вас ограбил разбойник на большой дороге, он остался бы в дураках.

– Да, именно так я ношу с собой свою рукопись. Настоящая же причина этому кроется в том, что я чаще всего пишу урывками на клочках бумаги, когда езжу верхом; и потому у меня всегда при себе небольшие листки бумаги – на всякий случай.

– Что вы собираетесь делать с романом, когда допишете его? – спросил Стефан.

– Я не знаю, – ответила она и повернула голову к окошку кареты, чтобы полюбоваться видом.

В этот миг они пересекли границу усадьбы Энделстоу.

---

[28] Непереводимая игра слов: говоря о своем произведении, Эльфрида употребляет слово romance, что одновременно значит и романс, музыкальное произведение, и собственно роман, поэтому возникает нужда в уточнении.

Проехав под приподнятой тюдоровской аркой[29] древних ворот из потемневшего камня, их экипаж оказался на просторном дворе, три стороны которого закрывал собою фасад особняка. Многое из того, что составляло нынешний поместный особняк, было возведено во времена Генриха VIII, однако его самые живописные и обжитые боковые корпуса относились к более раннему периоду строительства. Разрешение на то, чтоб возвести man-sum infra manerium suum[30], было даровано Эдуардом II, как говорилось в бумагах, «Хьюго Люкселлиану, шевалье»; но несмотря на то что слабые очертания рва и насыпного холма еще можно было различить у основания особняка, ни единого другого намека на первоначальное здание не сохранилось.

Все окна особняка были длинными и имели множество средников[31]; линии крыши нарушались мансардными окнами, сделанными по тому же образцу. Каменный верх каждого из этих мансардных окон, так же как и фронтоны, был увенчан гротескными фигурами, великое множество которых стояло на задних лапах, изваянными с поднятой правой передней лапой и смотрящими вправо, а также лежащими. Высокие восьмиугольные покоробившиеся дымовые трубы

---

[29] Тюдоровская арка – четырехцентровая низкая и широкая арка с заостренной вершиной. Такие арки часто возводились во времена правления династии Тюдоров, откуда и пошло название.

[30] Mansum infra manerium suum *(лат.)* – жилой дом на землях своего поместья.

[31] Средник *(архит.)* – вертикальная каменная или деревянная перемычка окна, двери.

взмывали высоко в небеса, и тем не менее их превосходили по высоте некоторые тополя и клены на заднем плане, кои нежно шелестели своими вершинами над коньком крыши и парапетом. В каждом углу двора находились многоугольные выступы, состоявшие из контрфорсов[32] и окон со средниками, а далеко выступающий эркер[33], что брал начало из фантастической группы лепных украшений, нависал над сводчатой аркой главного входа в особняк.

Как и говорил мистер Суонкорт, ему было даровано право посещать особняк в любое время, даже когда его владелец находился в отлучке. Повинуясь письменному распоряжению хозяина, слуги проводили их в библиотеку и оставили одних. Мистер Суонкорт вскоре погрузился в изучение кипы бумаг, кою он принес из кабинета, что описал ему его корреспондент. Стефану и Эльфриде не оставалось ничего другого, кроме как бродить по особняку, ожидая, пока ее отец освободится.

Эльфрида вошла в галерею, и Стефан машинально последовал за ней. Это было длинное темное помещение, отделанное лепниной во вкусе прошлого века и столь же старомодной, что и стены самого здания. Затейливые пилястры[34] эпо-

---

[32] Контрфорс – конструкция, которая представляет собою или вертикальное ребро, выступающую часть стены, или опору, что стоит отдельно и соединяется со стеной здания аркбутаном.

[33] Эркер – закрытый балкон, «фонарь».

[34] Пилястр – вертикальный выступ стены, как правило имеющий капитель и базу, условно изображающий колонну.

хи Ренессанса поддерживали карниз, от которого брал начало изогнутый потолок, отделанный декоративными панелями с нелепыми извивами и завитками в духе того времени. Старинные готические формы еще видны были в верхней части огромного окна, что находилось в самом конце галереи, однако во всем прочем готика повсеместно уступила место более современному глянцу.

Стефан стоял в конце галереи, глядя на Эльфриду, которая находилась в ее середине, начиная каким-то образом чувствовать, что ее подавляет это собрание теней умерших Люкселлианов, запечатленных на холсте кистью Гольбейна[35], Неллера[36] и Лели[37], которые, казалось, глядели на нее и сквозь нее так, словно намеревались прочесть ей мораль. Молчание, которое почти что заворожило их обоих, вдруг было прервано звуком открывшейся двери в дальнем конце галереи.

Из этой двери выбежали две маленькие девочки, которые были одеты в легкие, но теплые платьица. Их глазенки сияли; волосы разлетались во все стороны и развевались на бегу; с их румяных губ слетал чистый радостный смех.

---

[35] Ганс Гольбейн-младший (1497–1543) – один из величайших немецких живописцев, который многие свои полотна создал в Англии, портретист.

[36] Годфри Неллер (1646–1723) – британский живописец немецкого происхождения, самый востребованный портретист Великобритании на рубеже XVII–XVIII вв.

[37] Питер Лели (1618–1680) – британский живописец голландского происхождения, самый популярный живописец Британии в XVII столетии.

– Ах, мисс Суонкорт, наша милая Эльфи! А мы слышали, как вы приехали. Вы собираетесь здесь остаться? Вы же наша маленькая мама, разве нет? А наша большая мама укатила в Лондон, – кричала одна из них.

– Позвольте мне обнять вас, – молвила другая, которая на первый взгляд казалась похожей на первую девчушку, но была поменьше ростом.

Их румяные щечки и желтые волосы вскоре скрылись в фалдах платья Эльфриды; она наклонилась и обняла их обеих.

– Это так странно, – сказала Эльфрида с улыбкой, обращаясь к Стефану. – В последнее время они взяли себе в обычай звать меня «маленькая мама», поскольку я очень люблю их и потому что как-то раз у меня оказалось платье, немного похоже на наряд леди Люкселлиан.

Два юных создания были благородная Мэри и благородная Кейт, которые обе едва ли достигли возраста, когда человеку под силу носить столь тяжеловесное звание. То были две дочери лорда и леди Люкселлиан, и, как это было уже сказано, их родители отсутствовали, а они остались в особняке сами, на попечении няни да гувернантки. Лорд Люкселлиан любил детей до безумия; и к своей жене стал относиться довольно равнодушно с тех пор, как она начала делать намеки, что не склонна порадовать его рождением сына.

Эти дети, сами того не сознавая, бежали к Эльфриде, ибо больше смотрели на нее как на необыкновенно милую и рос-

лую представительницу их детского племени, чем на молодую взрослую. Возникло нерушимое правило, что, где бы она ни повстречалась с ними – в помещении или на открытом воздухе, в будний день или в воскресенье, – они по очереди обнимались с нею, прижимались на четверть минуты то к лицу ее, то к груди и разработали свою дивную систему бесчисленных ласковых имен и прозвищ для Эльфриды, на придумыванье коих так горазды наивные маленькие девочки.

Опасливые взгляды, кои девочки то и дело бросали на дверь, откуда они выбежали, привлекли внимание служанки, что появилась из этой же комнаты и положила предел сладкой свободе, кою вкушали благородные Мэри и Кейт.

– Я желала бы, чтобы вы жили здесь, мисс Суонкорт, – пропела одна из них тоненьким голосом, словно меланхоличный снегирь.

– И я хочу того же, – пропела таким же тонким голоском другая, как еще более меланхоличный снегирь. – Мама не играет с нами так мило, как вы. Я не думаю, что она сама-то умела играть, когда была маленькая. Когда же мы повидаем вас?

– Когда вам будет угодно, мои дорогие.

– И мы останемся у вас на ночь? Вот что я имею в виду под возможностью вас повидать. Мне неинтересно было бы смотреть на людей в шляпах да капорах, которые все стоят на ногах да прогуливаются туда-сюда.

– Как только вы получите разрешение вашей мамы, вы приедете к нам в гости и останетесь так надолго, как пожелаете. До скорого свидания!

Маленьких заключенных увели, а Эльфрида вновь перенесла внимание на своего гостя, которого она оставила стоять на другом конце галереи. Однако, взглянув по сторонам, она нигде его не увидела. Эльфрида заглянула в библиотеку, думая, что он мог присоединиться к ее отцу. Но мистер Суонкорт, которого теперь освещал радостный свет свечей в двух подсвечниках, по-прежнему работал один, распаковывая связки писем и бумаг и запаковывая их обратно, как было.

Поскольку Эльфрида не состояла в достаточно близкой дружбе с интересующим ее молодым человеком, чтобы оправдываться перед ним, то она, как настоящая юная леди, немедленно бросилась на его поиски, ибо это подсказывала ей порывистость, свойственная молодости, и так как в сердце ее нарождалось чувство, не в последний черед возникшее из-за дивного очерка его губ, то ей не хотелось бы упускать его из виду, а потому она, напрасно блуждая, медленно воротилась к дубовой лестнице, надувая губки и бросая по сторонам взгляды в надежде где-нибудь заприметить его мальчишескую фигуру.

Несмотря на то что дневной свет преобладал в комнатах особняка, его коридоры были погружены в полутьму, прохладную, печальную и молчаливую; и только стоя в коридо-

ре да глядя вдаль, в светлые проемы за его пределами, можно еще было рассмотреть там кого-нибудь или что-нибудь. В одном из таких просветов она нашла боковую дверь со стеклянными панелями в верхней части, через которые проходил свет. Эльфрида отворила ее и обнаружила, что попала на вторую или внутреннюю лужайку особняка, коя была отделена от главной лужайки изгородью из кустарника.

И тут она увидела сцену, которая ее озадачила. Под прямым углом к фасаду того крыла здания, откуда она только что вышла, и в нескольких шагах от двери высилось другое крыло особняка, ниже первого, и в его очертаниях недоставало архитектурного изящества. Прямо напротив нее в том крыле здания находилось широкое окно, где были опущены жалюзи в озаренной светом комнате, кою они скрывали от глаз.

На жалюзи упала человеческая тень того, кто стал близко к окну – некто в профиль. В этом профиле можно было безошибочно угадать Стефана. Она увидела, что его руки подняты и что он держит в них некую вещь. Затем появилась другая тень – также в профиль – и подошла к нему поближе. Это был силуэт женщины. Она повернулась спиной к Стефану, тот приподнял и накинул ей на плечи то, что теперь казалось шалью или накидкой, укутал ею бережно – очень бережно – эту леди; вот он исчез, теперь снова появился перед нею – скрепил ей концы накидки. Поцеловал ли он ее напоследок? Конечно нет. И все-таки движение, которое он

сделал, можно было принять за поцелуй. Затем обе тени выросли до колоссальных размеров, исказились, растворились в воздухе.

Прошло две минуты.

– Ах, мисс Суонкорт! Я так рад, что нашел вас. Я вас искал, – послышался у ее локтя голос голос Стефана.

Она вошла в проход.

– Знакомы ли вы хоть с кем-нибудь из тех, кто живет в усадьбе? – спросила она.

– Ни с одной живой душой; как бы мне это удалось? – отозвался он.

Глава 6

Прощай и не грусти[38].

Одновременно с последними словами Стефана до слуха Эльфриды долетел звук закрывающейся наружной двери, что была совсем неподалеку от них. Звук донесся с дальнего конца того крыла здания, где находилась освещенная комната. Затем в последних лучах заходящего солнца ей удалось рассмотреть фигуру, в принадлежности коей к женскому полу нельзя было усомниться, которая спускалась вниз по усыпанной гравием дорожке мимо цветника, что вела к берегу реки. Затем фигура незнакомки постепенно уменьшилась в размерах и исчезла в тени деревьев.

Из дальнего коридора особняка до них долетел голос мистера Суонкорта, который звал их по именам. Они вернулись обратно и нашли его уже облаченным в застегнутое пальто и надевающим шляпу, ожидающим их появления и сияющим от самодовольства, поскольку его поиски увенчались успехом. Карета была подана, и наше трио без дальнейших отлагательств покинуло особняк; их экипаж проехал по сводчатому проходу, где стуку колес вторило эхо, и покатил по кленовой аллее, где все деревья на зиму сбросили свою листву, в то время как звезды начали зажигать свои трепещущие

[38] Роберт Бернс. Любовь. Перевод С. Я. Маршака.

огоньки среди сплетения их ветвей и побегов.

Ни единого слова не проронили ни девушка, ни молодой человек. Ее неопытный ум был целиком поглощен раздумьями о недавнем происшествии. Юноша, который внушил ей такие новые чувства, который приехал по делам прямо из Лондона к ее отцу, который случайно посетил особняк Энделстоу и которому, как оказалось, по той или иной причине дарована привилегия приближаться к некой леди, кою он там повстречал, и который оказывал ей маленькие знаки внимания известного свойства, и все это сделалось за полчаса.

Что же это была за комната, где они находились? – думала про себя Эльфрида. Насколько она могла судить, то был деловой кабинет лорда Люкселлиана или какое-то подсобное помещение. Кто остался в особняке? Никого не осталось, кроме гувернантки и слуг, как ей было известно, и как раз о них он отозвался, что ни с кем не знаком. Та особа, чей силуэт Эльфрида неясно различила в сумерках, та, что вышла из особняка, имела ли она отношение к произошедшей сцене? Невозможно было ответить на этот вопрос, не задав его самому обвиняемому, а этого она никогда бы не сделала. Чем больше Эльфрида размышляла, тем более правдоподобным ей казалось, что это была случайная встреча, а не условленное свиданье. В конечном счете, что касалось личности самой женщины, то тут Эльфрида сразу же предположила, что она не могла быть служанкой. Стефан Смит не был человеком, который приударит за женщиной, что находится

ниже его на социальной лестнице. Несмотря на то что глаза его были сияющими и кроткими, они явно были и честолюбивыми; вне всяких сомнений, он желал в жизни лучшей доли; надежды его были неопределенными, но надеялся он сильно. Эльфрида была озадачена и, будучи озадачена, следуя естественной логике девичьих чувств, сердилась на него. Никакого удовольствия не доставило ей осознание того, что она, желая понравиться ему, вместо этого влюбилась в него сама, в его мальчишеский облик и ту невинность, коей он, казалось, обладал.

Экипаж доехал до моста, который образовывал связующее звено между восточной и западной частями прихода. Возведенный в долине, которая с внешней стороны сообщалась с морем, он являл собою низкую точку, от которой дорога с необыкновенной крутизной шла в гору, ведя в сторону западного Энделстоу и пасторского дома. Ни малейшей необходимости не было в том, чтобы кто-то из них покидал карету, чтобы уменьшить ее вес, однако у священника была привычка после долгого путешествия делать лошади одолжение, когда она взбиралась на эту кручу, и потому Эльфрида, следуя инстинкту подражания, неожиданно выпрыгнула из кареты, как только Красавчик замедлил ход, приноравливая к подъему в гору свою поступь, делая ее более медленной и осторожной, поскольку именно так он привык преодолевать этот участок дороги.

Казалось, молодой человек был рад любому предлогу на-

рушить молчание.

– Ба, мисс Суонкорт, какой рискованный поступок! – закричал он и немедленно последовал ее примеру, выпрыгнув из кареты с другой стороны.

– Ах нет, совсем нет, – ответила она холодно, ибо загадочная сцена в усадьбе Энделстоу все еще занимала все ее мысли.

Стефан шел в одиночестве две-три минуты, так как его удерживала на расстоянии та строгая сдержанность, что прозвучала в ее голосе. Затем, решив, по всей вероятности, что лишь девушкам к лицу дуться, он преспокойно обогнул экипаж, подошел к ней и с кастильской галантностью предложил ей идти с ним под руку, чтобы помочь одолеть оставшиеся три четверти пути в гору.

Это было искушение: впервые в жизни в подобной ситуации к Эльфриде отнеслись как ко взрослой молодой женщине – предложили ей руку, чтобы опереться, сделав это так, что за нею оставалось несомненное право согласиться или отказаться. До сих пор она никогда не удостаивалась особого мужского внимания, которое обычно ограничивалось такими бытовыми замечаниями, как «Эльфрида, дай-ка мне руку», да «Эльфрида, держись крепче за мою руку», которые она слышала от отца. Для ее неопытного сердца целая эпоха жизни заключалась в одном этом происшествии; она испытывала настоящую гамму противоречивых чувств и не могла выбрать, согласиться ли ей или ответить гордым отказом. В

общем, ее чувства были за то, чтобы принять предложенную руку; и лишь одно из них, обида, уговаривало ее наказать Стефана и отказаться.

– Нет, благодарю вас, мистер Смит, я уж лучше дойду как-нибудь сама.

Это была первая слабая попытка Эльфриды запугать своего возлюбленного.

Однако, больше опасаясь результатов такого решения, чем того, что именно воспитанный молодой человек будет думать о ее своенравии, она тут же решила вознаградить себя отменой своего же приказа.

– Знаете, я тут подумала и решила принять вашу помощь, – сказала она.

Они стали медленно подниматься на холм, идя в нескольких ярдах позади кареты.

– Как вы молчаливы, мисс Суонкорт! – заметил Стефан.

– Возможно, я думаю о том, что и вы молчаливы тоже, – парировала она.

– У меня могут быть на то свои причины.

– Едва ли, ведь это печаль делает людей молчаливыми, а у вас нет никакой печали на сердце.

– Вы ничего не знаете: передо мной стоит большая трудность; хотя кто-то мог бы сказать, что это не трудность даже, а скорее дилемма.

– Что же это? – спросила она тотчас.

Стефан замялся.

– Я мог бы сказать, – молвил он. – Возможно, сказал бы в подходящий момент, настолько подходящий, что…

Она выпустила его руку и пылко отбросила ее от себя, встряхнув головою. Она только что усвоила урок, что теряешь очень много собственного достоинства, когда задаешь вопрос, на который отказываются отвечать, пусть даже в столь учтивой форме, ибо, несмотря на то что вежливость оказывает добрую услугу, если речь заходит о требованиях и компромиссах, она очень мало помогает, когда тебе прямо отказывают.

– Я не желаю об этом ничего знать, не желаю, – отрезала она и продолжала: – На вершине холма нас ожидает карета, мы должны ехать.

И Эльфрида побежала вперед.

– Папа, вот и твоя Эльфрида! – закричала она, обращаясь к неясной фигуре старшего джентльмена, когда сама вспорхнула в карету и опустилась на сиденье рядом с ним, не пожелавши принять помощь от Стефана.

– Ах, да! – буркнул священник притворно-настороженным тоном, пробудясь от глубочайшего сна и вдруг вознамерившись выйти из кареты.

– Боже, папа, что ты делаешь? Мы еще не приехали домой.

– Ох, нет, нет; конечно же мы еще не дома, – сказал мистер Суонкорт очень торопливо, пытаясь откинуться назад и вернуться в свое прежнее положение, сделав вид, что он вовсе и не двигался. – Дело в том, что я так глубоко задумал-

ся, что потерял представление о том, где мы находимся. – И через минуту священник снова стал похрапывать.

Тот последний вечер будто бы набросил тень необыкновенной печали на лицо Стефана Смита, а повторяющиеся наказы священника, чтоб он приезжал в летнюю пору повидать их снова, казалось, только портили ему настроение, а не уменьшали его печаль.

Он покинул их в сером свете раннего утра, когда краски земли были темными, а солнце еще не показалось на востоке. Эльфрида всю ночь проворочалась с боку на бок в своей маленькой кровати, беспокоясь о том, что никто из домашних слуг не поднимется так рано, чтобы помочь ему собраться, а также опасаясь, что она больше не увидит его ярких глаз и кудрявых локонов, ну а то, что он обладал какой-то глубокой тайною, придавало его облику еще больше романтичности в ее глазах. До некоторой степени – как проворно женское любопытство облекается в одежды заботы – она почувствовала себя ответственной за его благополучное отбытие. Они позавтракали прежде, чем занялся день; мистер Суонкорт, который все более и более проникался симпатией к простодушному виду своего гостя, решился встать спозаранку и проститься с ним как с искренним другом. В любом случае, у священника было вящее изумление, когда он увидал Эльфриду с зажженной свечой в руке, идущую к столу завтракать.

В то время как Уильям Уорм совершал свой утренний

туалет (процедура, после которой жители пасторского дома привыкли ожидать его появления со всегдашним образцовым терпением), Эльфрида, бесцельно блуждая по саду, забрела в летний домик. Стефан последовал туда за ней. Скрытая рощей долина открывалась взору с этой точки наблюдения, и туман, который теперь клубился над всей долиною, скрывал от глаз речной поток, что струился сквозь нее, хотя сами наблюдатели находились выше туманной пелены.

Они стояли близко друг к другу, опершись на грубую балюстраду, которая опоясывала летний домик снаружи и далее вздымалась гребнем на крутом склоне, что был ниже того места, где Эльфрида вынужденно обратила внимание на некие очертания далеких нагорий, что вставали неровной грядой перед ее взором. Но художественное видение, природное или выработанное, теперь очень слабо говорило в Стефане, и он вполуха слушал ее описания, словно все его внимание поглощала какая-то другая мысль, неотступно преследующая его.

– Стало быть, прощайте, – молвил он вдруг, – я полагаю, что никогда не смогу увидеться с вами снова, мисс Суонкорт, несмотря на все приглашения.

Его неподдельное страдание непосредственно сыграло на чувствительных струнах ее натуры. Она могла себе позволить простить ему одну-две недомолвки. Более того, смущение, которое не позволило ему поднять на нее глаза, вселило отвагу в ее собственные язык и взор.

– О, приезжайте И ВПРЯМЬ повидать нас снова, мистер Смит, – сказала она с милой простотой.

– Я был бы счастлив это сделать, но было б еще лучше, если б я воздержался.

– Почему?

– Некие обстоятельства, связанные со мной, делают этот визит нежелательным. Нежелательным не для меня – для вас.

– Силы небесные! Как будто хоть что-то, связанное с вами, может меня ранить, – сказала она тоном спокойного превосходства, но, видя, что такая манера поведения была неуместна, она заговорила на более низких тонах: – Ах, я знаю, почему вы больше не приедете. Вы не хотите приезжать. Вы уедете домой, в Лондон, ко всем тамошним занятым людям, и никогда в жизни больше не захотите видеться с нами!

– Вы же знаете, что я вовсе так не думаю.

– И будете продолжать писать письма к той леди, с которою вы обручены, совсем как прежде.

– Что это значит? Я не обручен.

– Вы писали письмо к мисс Незнакомке; я видела его на полке с письмами для отправки на почту.

– Ха! Письмо к пожилой женщине, которая держит лавку канцелярских товаров; и в нем говорилось о том, чтобы она откладывала в сторонку мои газеты, пока я не вернусь.

– Вам нет нужды объясняться: это меня вовсе не касается. – Однако мисс Эльфрида была явно рада, выслушивая

его объяснения, как бы там ни было. – И вы не приедете снова, чтобы повидать моего отца? – настойчиво спросила она.

– Я бы очень хотел… это значит повидать вновь и вас, но…

– Откроете вы мне, наконец, что это за тайна такая, что вы от меня скрываете? – дерзко прервала она его.

– Нет, не теперь.

Она не могла не задать следующий вопрос, как бы некрасиво это ни прозвучало.

– Скажите мне вот что, – потребовала она, и ее губы задрожали. – Какое-то ваше свидание с леди из усадьбы Энделстоу является препятствием, чтоб… чтоб проявлять внимание ко мне?

Он немного помолчал.

– Ни в малейшей степени, – сказал он многозначительно и взглянул ей прямо в глаза с уверенностью, которую могут даровать лишь честность да красота, присущие молодости.

Объяснение так и не последовало, но мрак, поселившийся было в ее сердце, рассеялся. Она не могла не поверить такому высказыванию. Какова бы ни была тайна той игры теней, что она наблюдала за опущенными жалюзи, это не была тайна закулисной страсти.

Она обошла дом кругом и вошла в него через оранжерею. Стефан тоже прошел кругом и направился к парадному входу. Мистер Суонкорт стоял на пороге, обутый в домашние туфли.

Уорм возился с хомутом в упряжи и бормотал о том, как трещит его бедная голова, и все было готово для отъезда Стефана.

– Вы назвали август месяцем для вашего визита к нам. В августе я вас и жду; это в том случае, если вы сколько-нибудь цените общество закостенелого тори, – сказал ему мистер Суонкорт.

Мистер Смит нерешительно пробормотал несколько слов о том, как желал бы он повидать их снова.

– Вы сказали, что приедете, и вы должны сдержать слово, – настойчиво сказала Эльфрида, выйдя из двери и стоя за спиной своего отца.

Какова бы ни была причина, что до сей поры удерживала молодого человека от повторного визита в эти края, она была более над ним не властна. Он пообещал, тепло распростился с ними и сел в экипаж, запряженный пони, который стал медленно взбираться вверх по склону холма и вскоре исчез из виду.

– Никогда еще в моей жизни я не был к кому-нибудь так привязан сердцем, как к этому юноше, – никогда! Я не могу этого постичь… я никак не могу этого постичь, – бодро сказал себе под нос мистер Суонкорт и вошел в дом.

Глава 7

Прости же навсегда, мой друг[39].

Стефан Смит вновь посетил приход Энделстоу, как и обещал. У него нашлась подходящая причина для повторного визита в качестве художника, хотя, казалось бы, можно было вовсе не измышлять причин. Тридцать шесть старых скамей тонкой работы XV столетия быстро разрушались, находясь в приделе церкви; и было попросту необходимо сделать зарисовки их изъеденных червями контуров, прежде чем трухлявое дерево окончательно рассыплется в прах и его невозможно будет узнать в суматохе так называемой реставрации.

Он вступил в пасторский дом на закате, и мир вновь озарился светом для двух светлокудрых головок. Тем не менее Эльфрида почувствовала мимолетный укол разочарования, когда открыла случайно, что он не сию минуту сломя голову примчался из Лондона, а приехал в здешние края еще прошлым вечером. Ее удивление шло рука об руку с радостью, несмотря на то что она помнила, как несколько туристов из Лондона расположились на ночлег прямо на морском пляже и что Стефан вполне мог последовать их примеру.

В тот вечер им почти не удалось поговорить, поскольку мистер Суонкорт стал забрасывать своего визитера вопроса-

[39] Вальтер Скотт. «О дева! Жребий твой жесток…». Перевод К. Павловой.

ми на личные темы, но отеческим тоном, и очень много расспрашивал его о надеждах и перспективах в той профессии, что он себе избрал. Стефан давал уклончивые ответы. На следующий день пошел дождь. Вечером того же дня, спустя двадцать четыре часа после его прибытия, когда присутствие Эльфриды вновь разожгло в его груди любовное пламя, молодые люди решили между собою сыграть в шахматы.

Эта игра имела то преимущество, что могла помочь развитию их отношений.

Эльфрида быстро смекнула, что ее противник еще новичок в игре. Затем она заметила, что у него очень странная манера двигать фигуры, когда он переставляет вперед или убирает пешки с доски. Она априори полагала, что манера игры у всех одинаковая; однако его привычка двигать фигуры, которая отличалась от всех прочих, дала ей представление о том, что все, кто учился шахматам, наблюдая за другими игроками, обращаются с фигурами стереотипным образом. Это неописуемо странное впечатление от того, как Стефан двигает шахматы, вылилось у ней в целую речь, когда она увидела, как он, выиграв одного из ее слонов, спихнул его в сторону с доски при помощи пешки, кою держал в руке, вместо того чтобы взять его в руки, а потом убрать.

– Как вы странно двигаете фигуры, мистер Смит!

– В самом деле? В таком случае молю о снисхождении.

– Ах нет… не извиняйтесь, это вовсе не проступок, за который надобно просить прощения. Но кто учил вас играть?

– Никто, мисс Суонкорт, – отвечал он. – Я учился по книге, которую дал мне мой друг, мистер Найт, самый благородный человек на свете.

– Но видели ли вы когда-нибудь, как другие играют?

– Я никогда в глаза не видел ни одной шахматной партии. Сегодня я впервые в жизни играю с живым противником. Я изучил множество вариантов игры, которые были описаны в книге, да запомнил значение различных движений шахматных фигур, но это все.

Таково было полное объяснение его манерности; но сам факт, что молодой человек, имея желание играть в шахматы, рос и взрослел без возможности увидеть хоть одну партию или самому принять в ней участие, стало для нее большим шоком. Некоторое время она размышляла над этим обстоятельством, глядя в пустоту и уделяя очень мало внимания игре.

Мистер Суонкорт сидел, неотрывно глядя на шахматную доску, но явно думая о других вещах. Скорее обращаясь к самому себе, чем к другим, он, ожидая хода Эльфриды, сказал:

– Quae finis aut quod me manet stipendium?

Стефан сразу же отозвался:

– Effare: jussas cum fide poenas luam.

– Превосходно, верно, отрадно слышать! – воскликнул мистер Суонкорт и от избытка чувств задел рукою стол с шахматами, заставив тем самым три пешки и коня опасно

пошатнуться. – Я размышлял об этой фразе, как о подходящей к тому странному направлению, которое мне вздумалось себе избрать путем… но довольно об этом. Я восхищен вами, мистер Смит, ибо это такая редкость в здешней пустыне, чтобы я встретился с человеком, кто был бы в достаточной степени джентльменом и знатоком, что доскажет конец латинской цитаты, сколь бы банальна она ни была.

– Я тоже отношу эту цитату к себе самому, – сказал Стефан спокойно.

– К себе самому? Да вы будете последним человеком на свете, кто станет это делать, думается мне.

– Ну же, – пробормотала Эльфрида немного обидчиво. – Скажите мне, что это. Ну же, растолкуйте мне ее смысл, переведите!

Стефан с твердостью взглянул на нее и стал медленно переводить таким тоном, что придавал его словам далекоидущее значение, которое, казалось, звучало не по возрасту мудро в устах такого мальчика:

– Quae finis КОНЕЦ КАКОЙ ЖЕ, aut ИЛИ, quod stipendium ДАНЬ, manet me НАЗНАЧИШЬ МНЕ? Effare: СКАЖИ; luam КОГДА Я, cum fide ЧЕСТНО, jussas poenas ПЕНИ ВЫПЛАЧУ[40].

Священник, который слушал с гримасою критика и по

---

[40] Quintus Horatius Flaccus, Epodes, XVII, 36–37. Гораций. Эподы, XVII, 30. Перевод Н. С. Гинцбура. Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. СПб.: Биографический институт, Студия биографика, 1993.

причине своей глуховатости не заметил многозначительного намека на некие обстоятельства, прозвучавшего в голосе Стефана, при произнесении последним перевода на родной английский, молвил ему нерешительно:

– Кстати говоря, мистер Смит – я знаю, вы извините мое любопытство, – хотя вы дали толкование на удивление точное и близкое, то, как вы произносите латинские слова, кажется мне немного диким. Разумеется, когда мы говорим на мертвом языке, произношение не играет большой роли; однако произношение ваше и долгота звука звучат для меня гротескно. Я сначала подумал, что вы приобрели свои особенности в каком-нибудь колледже на севере Англии, но долгота звука свидетельствует об обратном. Я собираюсь спросить у вас следующее: вероятно, ваш учитель классических языков был из Оксфорда или Кембриджа?

– Да, он был из Оксфорда – член братства Святого Киприана.

– В самом деле?

– О да, в этом нет ни малейших сомнений.

– Самая странная вещь, о которой я когда-либо слышал! – воскликнул мистер Суонкорт, вытаращив глаза от изумления. – Чтобы стать учеником такого человека…

– Лучшего и умнейшего человека во всей Англии! – закричал Стефан с восторгом.

– И то, что ученик такого человека говорит по-латыни так, как вы, это превосходит все, что я когда-либо знал. Как долго

он учил вас?

– Четыре года.

– Четыре года!

– Это не будет так странно, когда я объясню, – поспешил сказать Стефан. – Это было сделано вот как – по переписке. Я посылал ему выполненные упражнения и переводы с классических языков дважды в неделю, и дважды в неделю он присылал мне их назад исправленными, с разъясняющими заметками на полях. Так я выучил греческий и латынь до того уровня, на котором теперь их знаю. Его нельзя винить в том, каково мое произношение. Он никогда не слышал, чтобы я цитировал ему хоть строчку.

– Сюжет для романа и пример безграничного терпения! – воскликнул священник.

– С его стороны, а не с моей. Ах, Генри Найт – один на тысячу! Я помню, как он как-то раз беседовал со мной на эту же тему, насчет произношения. Он говорил, что, к его глубокому сожалению, видит, что наступает время, когда каждый будет произносить слова так, как ему больше нравится, и станут считать, что и так звучит не хуже; что эра разговорного языка уходит в прошлое и наступает эпоха письменного общения.

И Эльфрида, и ее отец вежливо ждали, что Стефан продолжит свой рассказ и поведает им самую интересную часть истории, а именно какие обстоятельства привели к тому, что был выбран столь необычный метод обучения. Но никакого

дальнейшего объяснения не последовало; и они поняли, видя, что молодой человек сосредоточил все свое внимание на шахматной доске, что он не желает больше говорить на эту тему.

Партия продолжалась. Эльфрида играла, не вникая в суть дела; Стефан – предварительно подумав. Ей показалось, что было бы очень жестоко объявить ему шах и мат после стольких его трудов. Какую нечестную уловку подсказало ей сострадание? Позволить ему восторжествовать над нею. Последовала вторая шахматная партия; и она, будучи совершенно равнодушна к результату (ее игра была выше среднего среди женщин, и она это знала), вновь позволила ему обыграть себя. Последняя партия, в которой она применила гамбит Муцио с первого хода, на двенадцатом ходу закончилась победой Эльфриды.

Стефан посмотрел на нее с подозрением. Его сердце билось еще более взволнованно, чем ее, кое участило свой ритм, когда она и впрямь напрягла свой ум в этой последней партии. Мистер Суонкорт покинул комнату.

– До сих пор вы не принимали меня всерьез! – закричал он, его лицо покраснело. – Вы не играли по-настоящему в тех двух первых партиях?

На лице Эльфриды появилось виноватое выражение. Стефан стал живым воплощением раздражения и печали, кои, хоть на миг и доставили ей удовольствие, все-таки заставили ее в следующую секунду пожалеть о сделанной ошибке.

– Мистер Смит, простите меня! – молвила она ласково. – Теперь я понимаю, хоть и не осознала этого сразу, что сделанное мною выглядит неуважением к вашим навыкам. Право слово, я вовсе не придавала этому такой смысл. Но я просто не могла, совесть не позволяла мне торжествовать победу в той первой и второй партиях над тем, кто находился в столь невыгодном положении и боролся так мужественно.

Он глубоко вздохнул и тихо произнес с горечью:

– Ах, вы куда умнее меня. Вы все умеете делать, а я – ничего! О мисс Суонкорт! – воскликнул он пылко, сердце его билось где-то в горле. – Я должен сказать вам о том, как я вас люблю! Все эти месяцы моего отсутствия я боготворил вас.

Он вскочил со своего места, как пылкий мальчик, каким он и был, в один миг оказался рядом с нею, и не успела она опомниться, как его рука обвилась вокруг ее талии и две кудрявые головы смешали свои локоны.

До такой степени была нова для Эльфриды эта полностью расцветшая любовь, что она дрожала крупной дрожью как от новизны чувства, так и от самого этого чувства. Затем она вдруг отодвинулась от него и выпрямила стан, досадуя на то, что невольно подчинилась даже этому кратковременному напору. Она сочла такое проявление чувств преждевременным.

– Вам не следует начинать такие отношения подобным образом, – промолвила она с высокомерием кокетки, высоко-

мерием весьма прозрачного свойства, – и… и вы не должны повторять этого поступка… и папа идет сюда.

– Позвольте мне поцеловать вас, всего один маленький поцелуй, – сказал он со своей обычной нежностью, вовсе не распознав наигранности в ее манере.

– Нет, никаких поцелуев.

– Только один в щечку?

– Нет.

– Ваш лоб?

– Разумеется, нет.

– Стало быть, вы любите кого-то другого? Ах, я так и думал!

– Я совершенно уверена в том, что нет.

– И меня вы тоже не любите?

– Как же я могу вам об этом сказать? – ответила она просто, ибо естественность была самой основою широких границ ее поведения и манеры вести разговор. Однако особый оттенок в ее голосе и выражение полуопущенных глаз сказали бы искушенному мужчине, насколько в данном случае тонок лед этого отказа.

Послышались шаги. Мистер Суонкорт вошел в комнату, и их беседе на личные темы был положен конец.

На другой день после этого открытия, совершенного в частном порядке, мистер Суонкорт предложил поехать осматривать скалы за пределами бухты Тарген, что находились на расстоянии трех-четырех миль езды.

За полчаса до их отъезда на заднем дворе послышался грохот, и вскоре появился Уорм, который в своей речи обращался отчасти ко всему свету, отчасти к самому себе и вскользь – ко всем слушателям:

– Да, да, можно быть уверенным! Эта бесконечная жарка рыбы прикончит когда-нибудь Уильяма Уорма. Они вновь принялись за свое дело этим утром, как всегда – вжж, вжж, вжж!

– У тебя снова болит голова, Уорм? – спросил мистер Суонкорт. – Что это был за грохот, который мы слышали во дворе?

– Да, сэр, я всего лишь бедная старая развалина; и жарка продолжалась в моей бедной голове всю прошлую долгую ночь и это утро, все как обычно; и я был настолько этим оглушен, что ненароком уронил кусок деревянной ножки на ось вашего фаэтона, и она разлетелась на куски. Ай, говорю я, я чувствую себя так, будто это мой собственный фаэтон; и несмотря на то что это моя вина, и несмотря на то что это приход платит с меня налоги даже в том случае, если я уберусь отсюда, все-таки я бываю столь же независим, как иные-прочие.

– Боже мой, ось экипажа разбита! – закричала Эльфрида.

Она была разочарована, а Стефан – вдвойне. Священник вспылил больше, чем происшествие того заслуживало, и это вызвало у Стефана чувство большой неловкости и сильно удивило его. Он и предположить не мог, что столько скры-

той суровости могло так легко уживаться с открытостью и добродушием, свойственными мистеру Суонкорту.

– Вы не должны остаться разочарованными, – сказал священник в конце концов. – Расстояние слишком велико, чтобы прогуляться туда пешком. Эльфрида может отправиться на своем пони, а вы возьмите мою старую клячу, Смит.

Эльфрида воскликнула торжествующе:

– Вы еще никогда не видели, как я езжу верхом… О, вы должны это увидеть! – Она взглянула на Стефана и тут же прочла его мысли: – Ах, вы не умеете ездить верхом, мистер Смит?

– К сожалению, должен признаться, что и впрямь не умею.

– Вот уж не думала, что мужчина может не уметь ездить верхом! – довольно дерзко сказала она.

Священник пришел ему на помощь:

– Это вполне обычное дело; у него было много других занятий. Ну, предлагаю поступить вот как: пусть Эльфрида поедет верхом, а вы, мистер Смит, будете идти с нею рядом.

Стефан с тайным восторгом дал свое согласие на этот план. Казалось, такое предложение несло в себе все преимущества долгой неспешной прогулки в обществе Эльфриды и при этом исключало случайную возможность, что удовольствие вдруг будет испорчено оттого, что она разом почувствует себя усталой. Пони оседлали и начали водить по кругу.

– Ну, мистер Смит, – сказала юная леди, сойдя вниз и по-

явившись перед ним в своей амазонке, словно переиздание любимейшей книги, – у меня есть для вас поручение на день. Вот эти сережки у меня самые прелестные и любимые, однако у них есть недостаток – их застежки настолько ненадежные, что я могу потерять любую из них, если сильно встряхну головой, а когда я езжу верхом, у меня не получается помнить о таких вещах. Вы будете истинным моим рыцарем, если не станете спускать с них глаз да помнить о них каждую минуту в течение всего дня, и вы должны немедленно сказать мне, если я нечаянно оброню одну из них. Они так и норовят потеряться, не правда ли, Юнити? – продолжала она, обращаясь к горничной, которая стояла у двери.

– Да, мисс, истинная правда! – подтвердила Юнити, округляя глаза от сочувствия.

– Однажды это приключилось на лужайке, когда я нашла одну из них, – продолжала Эльфрида задумчиво.

– А после вы обронили ее у ворот, близехонько к Восемнадцати Акрам, – подхватила Юнити.

– И потом она же опять упала у меня на ковер в моей комнате, – весело отозвалась Эльфрида.

– А после одна из них повисла на кружевах вашей нижней юбки, мисс; и потом, в другой раз, сережка оказалась каким-то образом у вас на платье, на спине, не правда ли, мисс? О да, ну и вид же был у вас, мисс, не правда ли? Пока вы не нашли, где она!

Эльфрида оперлась своей легкой ножкой на руку, подстав-

ленную Стефаном.

– Раз, два, три, и она в седле! – воскликнула она.

К сожалению, все вышло иначе. Он подсадил ее неуверенной рукой, и пони отшатнулся, и Эльфрида полетела на землю, и ушиб ее был довольно сильным, а не пустяковым. Стефан был воплощенное раскаяние.

– Ничего страшного, – сказал священник ободряюще, – попытайтесь снова! Этот маленький навык требует некоторой практики, несмотря на то что кажется таким простым. Становитесь ближе к голове пони, мистер Смит.

– Даю слово, что второй попытки у него не будет, – отозвалась Эльфрида, с негодованием глядя на него в упор. – Уорм, подойди-ка сюда и помоги мне подняться в седло.

Уорм выступил вперед, и она оказалась в седле на счет три.

Затем они тронулись в путь и некоторое время ехали в молчании, и зной, царящий в долине, время от времени разгонял прохладный бриз, что овевал их лица, прилетая со стороны ущелий, которые шли до самого моря.

– Я полагаю, – сказал Стефан, – что человек, который и сам не умеет сидеть в седле, и не способен подсадить в седло другого, является бесполезной обузой, но я научусь это делать ради вас, мисс Суонкорт, я и впрямь научусь.

– Что необычно в вас, – молвила она назидательным тоном, который был оправдан в устах ловкой наездницы, что обращалась к отсталому ходоку, – так это то, что ваши зна-

ния в определенных областях сочетаются с вашим полным неведением в других.

Стефан поднял на нее глаза, и его взор был серьезен.

– Видите ли, – отвечал он, – это произошло оттого, что существует еще столько умений на белом свете, которым надобно выучиться, и потому я не озаботился изучением конкретно этого практического навыка. Я думал, что он мне не пригодится, но теперь переменил свое мнение. Я научусь ездить верхом, а также всему, что с этим связано, поскольку тогда буду нравиться вам больше. Ведь я стал меньше приятен вам оттого, что этого не умею?

– Я кажусь похожей на «LA BELLE DAME SANS MERCI»?[41] – начала она вдруг поддразнивать его, не отвечая на вопрос. – Так и вижу, как вы декламируете, мистер Смит:

Я взял ее в седло свое,
Весь день был только с ней.
Она глядела молча вдаль
Иль пела песню фей.

Нашла мне сладкий корешок,
Дала мне манну, дикий мед, —

вот все, что она делала.

– Нет, нет, – тихо возразил молодой человек и залился

[41] Джон Ките. Баллада «La belle dame sans merci» (*франц.*). – «Прекрасная дама, не знающая милосердия». Перевод В. В. Левика.

краской, произнеся:

И странно прошептала вдруг:

«Любовь не ждет!»[42]

– Ничего подобного! – возразила она поспешно. – Смотрите, как я умею скакать галопом. Но, Пэнси, пошла!

И Эльфрида умчалась, а Стефан следил за ее легкой фигуркой, которая постепенно уменьшилась до размеров птицы, когда меж ними легло расстояние; ее локоны развевались.

Он пошел в том же направлении и довольно долго не видел никаких знаков, что свидетельствовали бы о ее возвращении. Поскучнев, словно цветок, который лишили солнца, он присел на камень и в течение пятнадцати минут не слышал ни единого звука, что говорил бы о приближении лошади или ее всадницы. Затем Эльфрида и Пэнси появились на холме, пони шел бодрой рысью.

– Мы получили столько удовольствия от этой езды! – закричала Эльфрида, ее лицо пламенело румянцем, а глаза сияли.

Она осадила пони, Стефан поднялся на ноги, и они отправились дальше.

– Ну, хотите ли вы что-нибудь мне сказать, мистер Смит, после того, как я столь долго отсутствовала?

– Помните ли вы тот вопрос, на который мне не ответили прошлой ночью: значу ли я для вас больше, чем кто-то дру-

---

[42] Там же.

гой? – молвил он.

– Я и теперь не могу вам прямо ответить на него.

– Почему же вы не можете?

– Потому что я не знаю, значу ли я сама для вас больше, чем кто-либо другой.

– Да вы действительно для меня дороже всех! – закричал он, и в его голосе прозвучала самая напряженная признательность, и он тотчас же выскользнул вперед и заглянул ей в лицо – Глаза в глаза, – произнес он игриво, и она, покраснев, подчинилась, подарив ему открытый ответный взор. – А почему бы не уста к устам? – продолжал Стефан отважно.

– Нет, разумеется, нет. Нас могут увидеть, и тогда моей репутации конец. Вы можете поцеловать мне руку, если желаете.

Он посмотрел на нее, давая понять этим взглядом, что поцелуй руки через перчатку, да еще не простую, а перчатку для верховой езды, это далеко не самая приятная привилегия в таких обстоятельствах.

– Вот, вот, смотрите, я снимаю свою перчатку. Разве у меня не прелестная белая ручка? Ах, вы не хотите целовать ее, и вы этого делать не станете!

– Если я не стану, вы никогда больше не дадите мне поцелуя, вы, жестокая Эльфрида! Вам известно, что я думаю о вас больше, чем могу вам выразить, что вы моя царица. Я готов умереть ради вас, Эльфрида!

Краска вновь быстро залила ее щечки, и она взглянула на

него мечтательно. Какой это был момент гордости для Эльфриды! Впервые в жизни она с абсолютным деспотизмом властвовала над другим сердцем.

Стефан украдкой вдруг запечатлел на ее руке горячий поцелуй.

– Нет, я не хочу, не хочу! – воскликнула она упрямо. – И вам не стоило заставать меня врасплох.

За этим последовала ласковая разновидность драки за полное обладанье столь желанной рукою, где проявилось куда больше неистовства маленьких мальчика и девочки, чем достоинства, свойственного молодым мужчине и женщине. Затем Пэнси стала беспокойной. Эльфрида выпрямилась в седле и опомнилась.

– Вы принудили меня вести себя совершенно неподобающим образом! – закричала она, и нельзя было разобрать, что преобладало в ее голосе – гнев или удовольствие, скорее это была смесь и того, и другого. – Я не должна была допускать подобной потасовки! Мы уже давно выросли из таких игр.

– Я надеюсь, вы не считаете, что я чересчур… чересчур напоминаю нахала того рода, что умеет незаметно втереться в доверие, – отвечал он покаянным тоном, сознавая, что тоже потерял свое достоинство в этой возне.

– Вы слишком фамильярны, и я не собираюсь это терпеть! Памятуя о том, как мало мы еще с вами знакомы, мистер Смит, вы позволяете себе слишком много. Вы думаете, что я деревенская девушка и не имеет значения, как вы ко мне

относитесь!

– Заверяю вас, мисс Суонкорт, у меня не было и мысли подобной. Я лишь хотел оставить сладкий… настоящий поцелуй на вашей ручке, и это все.

– Ну вот, опять недостойные уловки! И вы не должны так смотреть на меня, – сказала она, покачав головою, и пустила пони рысью, оказавшись на несколько шагов впереди него.

Таким образом, она свела его с дороги и повела за собою в поля, направляясь к скалам. На границе того поля, что находилось к морю ближе всех, она изъявила желание сойти с лошади. Пэнси была привязана к шесту, и они оба пошли по неровной тропинке, что вдруг закончилась у плоского выступа, который шел вокруг голубовато-черной скалы, находившейся на высоте, что располагалась на полпути между морем и самой вершиной скального массива. Здесь далеко внизу и перед ними расстилалась бескрайняя гладь океана; здесь на отдельных камнях сидели белые галдящие чайки, которые, мнится, всегда собираются вить гнезда, но вместо этого они вечно расхаживают по скалам туда-сюда. Справа и слева шла зубчатая и зигзагообразная линия разрушенных штормами скальных вершин, кои образовывали гряды, что оканчивались у них под ногами.

Позади молодого человека и девушки были соблазнительный альков и сиденья, созданные самой природой из выступающих скальных масс, и там хватило бы места для двух-трех человек. Эльфрида присела там, и Стефан сел рядом с

нею.

– Я опасаюсь, что едва ли правильно для нас находиться также и здесь, – полувопросительно сказала она. – Мы недостаточно долго знаем друг друга для такого рода вещей, не правда ли!

– О нет, – отвечал он ей рассудительно, – мы знаем друг друга уже достаточно.

– Как вы это поняли?

– Такие отношения судят не по длительности знакомства, но по тому, каким образом пролетают минуты, проведенные вместе, и вот они-то и говорят о том, достаточно иль недостаточно мы знаем друг друга.

– Да, я понимаю. Но я бы желала, чтобы папа знал или хотя бы подозревал о том, НАСКОЛЬКО НОВЫМ для себя ДЕЛОМ я занята сейчас. Он ведь об этом совсем даже не думает.

– Эльфи, любимая моя, я бы желал, чтобы мы поженились! С моей стороны неправильно говорить об этом… я знаю, что это так… говорить прежде, чем ты узнаешь обо мне больше, но я все равно желаю этого, как бы там ни было. Любишь ли ты меня глубоко, глубоко?

– Нет! – закричала она в смятении.

Услышав этот решительный отказ, Стефан резко отвернулся и погрузился в грозовое молчание; единственными объектами его интереса на белом свете явно стали три-четыре морские птицы, что кружили в небесной вышине.

– Я не имела в виду останавливать вас таким образом, – нерешительно, с некоторой тревогой молвила она и, видя, что он продолжает хранить молчание, прибавила более встревоженным тоном. – Если вы скажете это снова, то, быть может, я не буду снова столь… столь же непоколебимой… если… если вы не хотите, чтобы я такою была.

– О, моя Эльфрида! – закричал он и поцеловал ее.

Для Эльфриды это был первый поцелуй. И она вела себя так неловко и неопытно: боролась, не переставая, не смягчалась. Она не прикладывала тех явных усилий выбраться из силка, единственным результатом коих становится лишь дальнейшее в нем увязание; с ее стороны не последовало ни положения принятия в конце, ни естественного сближения плеча к плечу, руки с рукой, лица к лицу и, несмотря на стыдливость, правильного положения губ в кульминационный момент. Она не сделала то приятное, хотя кажущееся нечаянным отступление на верхнюю позицию, которое многие отмечают как желание ускорить финал и увеличить взаимное удовольствие влюбленных. Почему? Дело в том, что у нее полностью отсутствовал необходимый опыт. Женщина должна испытать множество поцелуев, чтобы научиться целоваться хорошо.

В сущности, в этих любовных приветствиях искусство ласкать губы друг друга следует принципам, которые лежат в основе трактатов о фокусах, где дается подробное описание, как исполнять трюк под названием «Вытяни карту». Нужно

проворно переместить карту, вынуть ее из колоды, быстро и незаметно положить поверх нее другие и вдобавок ничем не выдавать себя до тех пор, пока рука ни о чем не подозревающей особы не потянется к колоде; вытягивание карты должно проделать столь скромно и при этом заботливо, чтобы особа была одурачена, поверив, что она и впрямь выбрала карту, когда на самом деле ей сунули ее в руки.

Что ж, в данном случае такой возможности не было; и Стефан сознавал это – сначала с мимолетным сожалением о том, что его поцелуй испортит то, как она смущенно его принимает, а после с приятнейшим пониманием, что в ее неловкости таится ее очарование.

– И я тебе действительно дорог и ты любишь меня? – спросил он.

– Да.

– Очень сильно?

– Да.

– А могу я спросить тебя, будешь ли ты ждать меня и станешь ли моей женой когда-нибудь?

– Почему бы нет? – наивно сказала она.

– Есть основание для таких «почему», моя Эльфрида.

– Ни одного, насколько мне известно.

– Можешь предположить, что есть некий факт, который касается меня, который делает почти невозможным или для тебя согласиться стать моей женой, или для твоего отца одобрить такую идею?

– Ничто не заставит меня меньше любить тебя: нет ни одного недостатка в твоем характере. То, что ты чист и великодушен, мне известно; и, сознавая это, как же я могу быть к тебе холодна?

– И ничто другое не повлияет на нас… ничто другое, что не затрагивает мой характер, не умалит мою ценность в твоих глазах, Эльфи?

– Ничто иное при любом раскладе, – отвечала она со вздохом облегчения. – Ты правда все мне рассказал? Не утаил ни одно обстоятельство из тех, что от тебя не зависят? Что-то такое, что мне следует знать?

– Ты едва ли можешь об этом судить, любимая, пока не узнаешь, что именно вынесено на суд. На этом мы закончим наш разговор до тех пор, пока не окажемся дома. Я верю в тебя, но на сердце у меня неспокойно.

– Любовь – новое и свежее для нас чувство, словно утренняя роса, и мы вместе. По законам, действующим в мире влюбленных, это значит очень много. Стефан, мне представляется, что я вижу различие между тобой и мной – между мужчиной и женщиной в принципе, может быть. Я довольствуюсь тем, что строю счастье на любом случайном основании, что может лежать на расстоянье вытянутой руки, а ты заставляешь мир приспосабливаться к твоему счастью.

– Эльфрида, порой твои изречения столь глубоки, что иногда кажется, что ты лет на пять старше меня или себя самой; и эта ремарка одна из таких. Я не способен мыслить так

ЗРЕЛО, как ты, хоть я и стараюсь… И ни один возлюбленный не целовал тебя прежде?

– Никогда.

– Я знал это, ты была так неопытна. Ездишь верхом ты прекрасно, а вот целоваться как следует не умеешь; а мне когда-то говорил мой друг Найт, что это чудеснейший недостаток для женщины.

– Ну, помоги-ка мне; я должна снова подняться в седло, иначе мы не попадем домой к обеду.

И они вернулись обратно, туда, где была привязана Пэнси.

– Вместо того чтоб доверять мой вес неустойчивым рукам молодого человека, – продолжала она веселым тоном, – я предпочту «приступочку» (как ее называют деревенские)[43] вот здесь, эту, что по форме напоминает ворота. Так… ну, вот я и готова в путь.

Они отправились домой все тем же прогулочным шагом.

Ее жизнерадостность вскоре восторжествовала над задумчивостью Стефана, и оба забыли обо всем, кроме счастья, что чувствовали в этот момент.

– За что ты полюбил меня? – спросила она после того, как проводила долгим мечтательным взглядом парящую в небе птицу.

– Я не знаю, – ответил он праздно.

---

[43] Приступочка, или приступок (в оригинале – англ, upping-stock, upping-stone), – особая каменная глыба, с которой, как со ступеньки, поднимались в седло.

– Нет, ты знаешь, знаешь, – настаивала Эльфрида.

– Возможно, за твои глаза.

– Что мои глаза?.. Ну же, не раздражай меня легкомысленными ответами. Так что там насчет моих глаз?

– О, ничего, что заслуживало бы упоминания. Они необыкновенно хороши.

– Ну же, Стефан, меня этим не проведешь. За что ты полюбил меня?

– Тогда, быть может, за твои губки?

– Ну, так что насчет моих губ?

– Я думал о том, что они вполне сносные…

– Это не слишком-то утешительно.

– У тебя прелестные, капризные и алые губки, но, по правде сказать, такие же, как и у всех.

– Хватит болтать безумный вздор, который ты все продолжаешь нести, дорогой Стефан. Так. За. Что. Ты. Полюбил. Меня?

– Возможно, потому что у тебя красивые шея и волосы, хотя я не уверен, или за твою праздную кровь, которой ничего другого не остается, как время от времени приливать к твоим щечкам да отхлынуть обратно, но я и тут не уверен. Может быть, за твои руки и плечи, что затмили собою все прочие, или за твои ножки, носочки которых играют под твоим платьем, словно мышки, или за твой голос, что обладает нежным, дорогим моему сердцу звучанием. Но я опять не уверен.

– Ах, это просто набор пустозвонных фраз, но мне не нужна твоя любовь, если она дает этакую простую и плоскую картину моего облика; и ни в чем-то ты не уверен, и все такие холодные и рассудочные у тебя размышления; я же говорю о том, что ты ПОЧУВСТВОВАЛ, когда, знаешь, Стефан, – на этой фразе она тихонько рассмеялась и бросила на него игривый взгляд, – когда ты сказал самому себе: «Я определенно полюбил эту молодую леди».

– Никогда я не говорил себе этого.

– Стало быть, ты сказал себе: «Я никогда не полюблю эту молодую леди».

– Этого я тоже себе не говорил.

– Тогда это было: «Я думаю, что полюблю эту молодую леди»?

– Нет.

– А как тогда?

– В этом было так много колебаний… никакой определенности.

– Скажи мне, скажи, скажи!

– Это было: мне не следует думать о ней, если я люблю ее по-настоящему.

– Ах, вот этого я как раз не понимаю. Этак я из тебя ничего не вытяну. И не буду я больше никогда тебя спрашивать – никогда больше, – чтоб ты признался мне от чистого сердца, почему ты любишь меня.

– Милый мучитель, какая в том нужда? Все это сводится к

одному простому признанию: были времена, когда я не знал и не любил тебя; а теперь настало время, когда я тебя увидел и полюбил. Довольно ли этого?

– Да, я удовольствуюсь этим… Знаешь, я размышляла, за что я полюбила тебя. Разумеется, ты очень красивый; но я даже не это имела в виду. Я полюбила тебя оттого, что ты такой послушный и добрый.

– Не совсем подходящие качества, чтобы за них полюбить мужчину, – сказал Стефан отчасти разочарованным тоном, в котором прозвучала самокритика. – Ладно, это не имеет значения. Я намерен просить у твоего отца благословения на наш брак, как только мы войдем в дом. Наше обручение может продлиться долго.

– Я буду дорожить им тем больше… Стефан, не говори ничего моему отцу вплоть до завтрашнего утра.

– Почему?

– Потому что если он станет возражать… я не думаю, что он станет, но если вдруг будет… то у нас останется еще день в запасе, чтобы насладиться своим счастьем, поскольку мы будем пребывать в неведении… Ну, о чем ты так глубоко задумался?

– Я думал о том, как моему любимому другу Найту понравилась бы эта сцена. Я хотел бы, чтоб он был рядом с нами.

– Кажется, ты им очень увлечен, – отозвалась она, и нотки ревности прозвучали в ее голосе. – Должно быть, он очень интересный человек, раз сумел так высоко подняться в твоем

мнении.

– Интересный! – вскричал Стефан, лицо его просияло, он загорелся пылом. – Тебе следовало сказать: благородный.

– Ох да, да, я и позабыла, – сказала она немного саркастическим тоном. – Самый благородный человек во всей Англии, как вы изволили сказать вчера вечером.

– Он прекрасный человек, и можете смеяться над этим, если вам угодно, мисс Эльфи.

– Знаю, он твой герой. Но чем же он занимается? Всем на свете?

– Он писатель.

– Но что же он написал? Я никогда не слышала его имени.

– Потому что он сам и несколько других, таких же, как он, объединились в огромное МЫ, а именно в неосязаемое общество, что называется «Презент», это общественно-литературный журнал.

– И он всего лишь обозреватель?

– ВСЕГО ЛИШЬ, Эльфи! Ты что, можно сказать, это честь – писать для «Презента». Гораздо почетнее, чем быть сочинителем романов.

– Это камень в мой огород и нападки на мой бедный роман «ПРИ ДВОРЕ ЗАМКА КЕЛЛИЙОН».

– Нет, Эльфрида, – тихо сказал он, – я вовсе не это имел в виду. Я хотел сказать, что он и впрямь выдающийся литератор в некотором смысле слова, а не простой обозреватель. Он пишет вещи более высокого класса, чем обзоры, хотя порой

пишет и рецензии на книги. Его обычными произведениями являются социальные и критические эссе – вот что публикуется в «ПРЕЗЕНТЕ», а не только литературные обзоры.

– Я допускаю, что он талантлив, раз пишет для «Презента». Нам присылают этот журнал, но нерегулярно. Я хотела, чтобы папа оформил подписку, но он такой консервативный. Ну, следующее, что мне откроется о мистере Найте… он добрейшей души человек, сдается мне.

– Он человек превосходный. Надеюсь, когда-нибудь я стану его близким другом.

– Разве сейчас вы с ним не друзья?

– Нет, не настолько близкие, – отозвался Стефан таким тоном, словно предположение Эльфриды было экстравагантным. – Видишь ли, это вышло вот как, он родом из тех же мест, что и я, и он меня кое-чему учил; однако я пока еще не могу назвать себя его близким другом. Как я буду счастлив, когда стану богатым и знаменитым и смогу держаться с ним на равных! – И глаза Стефана засияли, как звезды.

Нежные губки Эльфриды начали надуваться от обиды.

– Ты все время думаешь о нем и любишь его больше, чем меня!

– Нет, честное слово, нет, Эльфрида. Это совсем другое чувство. Но я очень ценю его, и он заслуживает даже большей привязанности, чем я питаю к нему.

– Ты стал неучтивым и заставил мою ревность взмыть до небес! – закричала она капризно. – Я знаю, ты никогда не

будешь говорить о третьей особе в наших отношениях так тепло, как ты рассказываешь о нем.

– Но ты не понимаешь, Эльфрида, – сказал он, сделав беспокойное движение. – Тебе придется когда-нибудь с ним познакомиться. Он столь блестящий… нет, «блестящий» – не слишком-то подходящее определение… столь глубокий по мысли… нет, «глубокий» – тоже не подходит, чтобы охарактеризовать его… он способен приворожить тебя, беседуя с тобой. Он – самый желанный друг на свете, и это и вполовину не отражает всех его достоинств.

– Мне безразлично, насколько он хорош, я не хочу с ним знакомиться, поскольку он становится между тобою и мной. Ты о нем думаешь дни и ночи напролет, и всегда гораздо больше, чем о ком-то другом; и когда ты о нем размышляешь, я полностью исчезаю из твоих мыслей. И мне отнюдь не нравится, что ты так тепло отзываешься о нем, когда наша любовь только-только расцвела. Стефан, представь, что вот я и этот человек, этот твой Найт, мы оба тонем, и ты можешь спасти лишь одного из нас…

– Да… глупейшая, старая, как мир, проверка – кого бы я спас?

– Да, кого? Не меня.

– Вас обоих, – сказал он, пожимая ее безвольно повисшую руку.

– Нет, так не пойдет, только одного из нас.

– Я не могу на это ответить, я не знаю. Это неприятно –

просто ужасный выбор.

– Ага, так я и знала. Ты бы спас его, а меня оставил бы тонуть, тонуть, тонуть… слышать ничего не желаю о твоей любви!

Она попыталась придать своим словам игривый тон, однако в последней фразе веселость была явно натянутая.

Вымолвив эти слова, она рысью ускакала вперед, завернув за угол, которого избегала пешеходная тропинка, а затем, немного впереди, дорога и тропинка опять сходились вместе. Появившись рядом с ним вновь, она умышленно смотрела в сторону и держала его в прохладной тени своего неудовольствия. Он обошел кругом и стал идти так, чтоб находиться в поле ее зрения.

– Ты обиделась, Эльфи? Почему ты молчишь?

– Тогда спаси меня, и пусть твой мистер Умник утонет. Я ненавижу его. А теперь что ты выберешь?

– Честное слово, Эльфрида, ты не должна настаивать на ответе на такой страшный вопрос. Это просто глупо.

– Тогда я больше не останусь с тобой наедине. Это очень дурно с твоей стороны – так меня терзать! – Она рассмеялась тому вздору, который болтала, однако продолжала упорствовать.

– Ну же, Эльфи, давай помиримся и будем друзьями.

– Скажи тогда, что ты спасешь меня, а его оставишь тонуть.

– Я спасу тебя… и его тоже.

– А его оставишь тонуть. Ну же, или ты не любишь меня! – продолжала она его дразнить.

– А его оставлю тонуть, – выпалил он отчаянно.

– Вот, теперь я вся твоя! – закричала она, и огонек женского триумфа зажегся в ее глазах.

– Воля ваша, мисс, только одна сережка на вас, иль не быть мне живой, – возвестила Юнити, едва они вступили в холл.

С выраженьем лица, где все говорило о непоправимом несчастье, Эльфрида тут же взметнула руку пощупать себе мочку уха.

– Ну вот! – закричала она, глядя на Стефана глазами, полными упрека.

– Я совсем забыл, в самом деле. Я только теперь вспомнил! – отвечал он с виноватою миной.

Она круто повернулась на месте и решительным шагом направилась в заросли кустарника. Стефан последовал за ней.

– Если бы ты попросил меня следить за чем-нибудь, Стефан, я бы выполнила это так же неукоснительно, как религиозную заповедь, – начала она капризным тоном, едва услышала позади себя его шаги.

– Забывчивость простительна.

– Что ж, ты найдешь ее, если ты хочешь, чтобы я уважала тебя и дала согласие на обручение, когда мы пойдем просить благословения у папы. – Она задумалась на мгновение

и прибавила более серьезным тоном: – Я знаю, где я уронила ее, Стефан. Это случилось на скалах. Я помню, тогда возникло слабое ощущение, что во мне что-то переменилось, но я была слишком занята, чтобы обратить на это внимание. Вот где она теперь лежит, и ты должен вернуться и осмотреть там все вокруг.

– Я сейчас же туда отправлюсь.

И он зашагал прочь, по направлению к долине, под лучами палящего солнца, сопровождаемый мертвой тишиной раннего полудня. Он одолел подъем, двигаясь с головокружительно-легкомысленной торопливостью; оказавшись на обдуваемой всеми ветрами вершине гряды скал, где они с нею сидели, он облазил и перещупал все камни и трещины, но потерявшейся сережки Эльфриды нигде не было видно. После этого Стефан медленно вернулся по своим шагам и, дойдя до перекрестка и поразмыслив немного, покинул плато и направился вниз, через поля, в сторону усадьбы Энделстоу.

Он шел тропинкой вдоль реки, не выказывая ни малейших колебаний относительно того, куда держать путь, судя по всему, прекрасно зная здесь каждую пядь земли. Когда тени стали удлиняться, а жар солнца начал спадать, он прошел через две низенькие калитки и очутился на подступах к парку Энделстоу. Теперь река несла свои воды уже вне ограды парка, далее ее путь пролегал через небольшую рощу, что виднелась немного впереди.

Здесь, между оградой парка и речным потоком, стоял кот-

тедж на небольшой возвышенности, вокруг которой река делала петлю. Характерной особенностью этого уютного обиталища была одна дымовая труба на конце фронтона, ее квадратная форма была скрыта огромным покрывалом плюща, который разросся так роскошно и раскинулся так далеко от своего основания, что увеличил видимый объем дымохода до размеров башни. На небольшом расстоянии от задней стены коттеджа высилась ограда парка, и за нею можно было видеть кленовую рощу, что слабо шелестела листвою в посвежевшем воздухе.

Стефан пересек маленький деревянный мосток через реку, что находился перед коттеджем, поднялся к двери дома и открыл ее без стука или какого-либо знака, предупреждающего о его появлении.

Приветственные возгласы одного или нескольких человек раздались, когда дверь приоткрылась, – возгласы, за которыми последовал деревянный скрип отодвигаемых стульев, что скрежетали по каменному полу, словно те, кто на них сидел, отпихнули их назад, когда поднимались из-за стола. Дверь снова закрылась, и ничего более не доносилось изнутри, кроме звуков оживленной беседы да дребезжанья тарелок.

Глава 8

И с ним не спешат породниться бароны[44].

Туманы выползали из заводей да болот для своих полночных странствий, когда Стефан появился перед парадной дверью пасторского дома. Эльфрида стояла на ступеньке крыльца, освещенная лимонным светом догорающих красок закатного небосвода.

– Ты же не потратил все это время на поиски той сережки? – спросила она с тревогой.

– Ах, нет, да я и не нашел ее.

– Не имеет значения. Хотя я порядком расстроена: то были мои любимые. Но Стефан, что же ты делал все это время, где же ты был? Я так беспокоилась. Я боялась за тебя, ты же не знаешь ни пяди в этих краях. Я думала: а что, если он свалился со скалы? Но теперь я намерена разбранить тебя как следует за то, что ты так меня напугал.

– Я должен поговорить с твоим отцом немедленно, – сказал он с некоторой резкостью, – я должен так много ему рассказать, и тебе тоже, Эльфрида.

– Ты собираешься поставить под угрозу возможность для нас провести счастливое время вдвоем, и это касается того самого темного секрета, на который ты так часто намекал и

[44] Скотт. В. Аллен-э-Дейл. Перевод Игнатия Ивановского.

тем самым делал меня несчастной?

– Возможно.

Она тяжело задышала и посмотрела по сторонам, словно в поисках советчика.

– Отложи это до завтра, – сказала она.

Он тоже невольно вздохнул.

– Нет, это надо сделать сегодня. Где твой отец, Эльфрида?

– Думаю, где-то в саду, – отвечала она. – Это его любимое место для вечерних прогулок. Здесь я тебя покидаю. Скажи ему все, что должно быть сказано; сделай то, что должно быть сделано. Помни о том, что я с беспокойством ожидаю завершения вашего разговора.

И она вернулась в дом.

Она ожидала в гостиной, наблюдая за тем, как меркнет свет дня и превращается в игру теней, а тени сгущаются в темноту, ожидала до тех пор, пока ее нетерпение узнать, что же произошло в саду, не разрослось так, что ей уж было не под силу его сдерживать. Она прошла сквозь заросли кустарника, отперла калитку сада и охватила своим острым взглядом всю погрузившуюся в сумерки местность, которую ограждали и закрывали четыре стены: их здесь не было. Она приставила к стене маленькую лестницу, коя использовалась для сбора фруктов, и заглянула поверх стены в поле. Это поле раскинулось вплоть до границ церковных земель, кои были огорожены с той стороны изгородью из бирючины. Подле этой изгороди находился мистер Суонкорт, который прогу-

ливался туда-сюда и громко разговаривал – с самим собой, как это казалось на первый взгляд. Нет, другой голос периодически выкрикивал ответы; и этот собеседник, казалось, находился по другую сторону изгороди. Голос, хотя и был мягким по тембру, принадлежал явно не Стефану.

Второй говоривший должен был находиться в давно заброшенном саду старого особняка, который вместе с небольшим имением, к коему он прилагался, был недавно куплен человеком по фамилии Тройтон, которого Эльфрида никогда не видела. Должно быть, ее отец завязал знакомство с кем-то из членов этого семейства, общаясь через изгородь из бирючины, или же туда забрел какой-то незнакомец.

Что ж, не было ни малейшей нужды беспокоить его.

И было очень похоже на то, что в конце концов Стефан все еще не осуществил свое намерение поговорить с ее отцом. Она снова вернулась в дом, спрашивая себя, где может находиться Стефан. Желая найти себе занятие и хоть как-то отвлечься, она поднялась наверх, в свою комнатку. Здесь она присела у открытого окна, и, подперев рукою щеку да опершись на стол, она погрузилась в размышления.

Это была жаркая и тихая августовская ночь. Любой шорох, нарушающий ее молчание, тут же получал повышенье до звания шума и был слышен на мили вокруг, а простейший звук – на еще более далекие расстояния. Она оставалась в той же позе, думая о Стефане и желая, чтобы он не лишал ее своего общества умышленно, как это сейчас выглядело. Ка-

ким деликатным и чутким он был, мыслила она, и все-таки в нем достало мужества иметь от нее личный секрет, который значительно поднимал его цену в ее глазах. Таким образом, глядя невидящим взором на окружающее, она ушла в свои мысли и потеряла счет времени.

Странные стечения обстоятельств, особенно те тривиальные, что способны случаться каждый день, столь часто встречаются в нашей повседневной жизни, что мы становимся привычными к их необъяснимости и забываем спросить себя: а те длительные странности в эдаком сопоставлении не являются ли почти опровержением того, что они вообще случайны? В это время Эльфрида могла думать лишь об одном происшествии. Она в двадцатый раз живо воскрешала в своем воображении утренний поцелуй и выпячивала губки опять-таки неправильно, когда услышала звук точно такого же поцелуя, что донесся с лужайки прямо у нее под окном.

Поцелуй – не в спокойной манере, даваемый украдкой, но решительный, громкий и крепкий.

Ее бросило в краску, и она посмотрела вниз, но в темноте никого не смогла разглядеть. Темные очертания нагорья образовывали острую печальную линию в сияющих небесах, непрерывную вплоть до темного абриса кедра, что рос на лужайке, был выше всех соседних деревьев, и его заметная крона поднималась высоко к небу – четко выделялась на линии горизонта, а верхушка кедра колола взошедшую луну, будто жалом.

Если некие особы и стояли сейчас на траве лужайки, то сохранялась возможность, что Эльфрида рассмотрит хотя бы их силуэты, неясные в темноте. Однако кустарники, что некогда едва достигали поляны, теперь разрослись густо и вширь и скрывали по меньшей мере половину ограды за которой они находились. Целовавшаяся пара стояла, должно быть, за каким-то из этих кустов; в любом случае, никого не было видно.

Если бы с ее возлюбленным никогда не было связано никаких загадок, что появились благодаря его недомолвкам и таинственным отлучкам, Эльфрида вовсе не допустила бы мысли, подозрения, что он мог принимать участие в подобной сцене. Но те осторожности, на которых он настаивал, в то время как они делали только еще более плотным покров окружающей его тайны, и без которой она, быть может, и не полюбила бы его по-настоящему, все это привело к появлению множества сомнений, и она, начиная пылать на медленном огне ревности, спрашивала себя: велика ли вероятность, что он ни в чем не виновен?

Эльфрида на цыпочках спустилась вниз, к тому самому месту, где она рассталась со Стефаном, разрешив ему поговорить с глазу на глаз с ее отцом. Там она стала блуждать вокруг, заглядывая во все укромные уголки, откуда мог бы исходить звук того самого поцелуя; среди высоких зарослей португальской калины[45], вокруг больших кустов пампасной

---

[45] Португальская калина, или калина лавролистная *(лат.* Viburnum Tinus) –

травы[46], среди зарослей остролиста с их яркой двуцветной зеленью, под плакучими вязами никого там не было. Возвратясь в дом, она позвала:

– Юнити!

– Она ушла к своей тетушке, провести вечер с нею, – отозвался мистер Суонкорт, высовывая голову из двери своего рабочего кабинета и позволяя потоку света, льющегося от горящих свечей, освещать лицо Эльфриды, – потоку, что скорее маскировал ее состояние, как ей самой казалось, поскольку создавал на ее щеках горящий розоватый румянец неловкого замешательства.

– Я не заметила, как ты вернулся в дом, папа, – сказала она с удивлением. – Это ведь совершенно точно, ни одного огня не было видно в окне, когда я была на лужайке? – И она заглянула к нему в кабинет и увидела, что ставни все еще отворены.

– О да, я воротился в дом, – сказал он равнодушно. – Для чего тебе требовалась Юнити? Мне казалось, она оставила для нас приготовленный ужин перед тем, как уйти к тетушке.

– Она и впрямь его приготовила?.. Я этого не видела… Нет, она была нужна мне не за этим.

Теперь, когда от нее требовали назвать конкретную причину, по которой она звала служанку, Эльфрида едва ли

вечнозеленый крупный кустарник с синими ягодами, который сильно ветвится.

[46] Пампасная трава *(лат.* Cortaderia selloana) – высокая трава с метелками-соцветиями, «трава пампы».

могла ее назвать. На миг ее ум заметался в поисках другого, незначительного предмета беседы. Ей бросились в глаза алые кончики тлеющих каминных спичек, что лежали внутри каминной решетки, которые сказали ей, почему она не видела ни одного луча света из окон, пока бродила по лужайке, – потому что свечи были только что зажжены.

– Я вернулся в дом сразу же, – сказал священник. – Я думал, что вы с мистером Смитом гуляете где-то в саду.

Даже неопытная Эльфрида не могла не подумать о том, что ее отец, должно быть, удивительно слеп, если ему не удалось догадаться, какие будут последствия, если ее и Стефана вот так, без церемоний, оставлять вдвоем; он, должно быть, удивительно беспечен, если видел это и не подумал о том, что за этим последует; удивительно добр, если, как ей казалось, предугадав издалека самое вероятное развитие событий, он и видел все, и думал об этом, и одобрял это. Ее размышления резко оборвались при виде Стефана, который появился на крыльце дома, и его голову и плечи серебрил лунный свет, что начал струиться сквозь просветы между деревьями.

– Твои неприятности имеют какое-то отношение к поцелую на лужайке? – спросила она у него резко, почти страстно.

– К поцелую на лужайке?

– Да! – властно выкрикнула она.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду, по крайней мере

сейчас точно не понимаю. Я совершенно уверен в том, что никого не целовал на лужайке, если это именно то, что ты хочешь знать, Эльфрида.

– Знаешь ли ты что-нибудь об этом спектакле?

– Ничего ровным счетом. Что заставило тебя задавать такие вопросы?

– Не заставляй меня рассказывать, – тут нет ничего важного. И, Стефан, ты еще не говорил с папой по поводу нашего обручения?

– Нет, – отвечал он с сожалением, – я нигде не мог его найти, а потом, когда я как следует задумался о том, что ты говорила о возражениях, отказах, возможно, о горьких упреках, которые положат конец нашему счастью, то я решил отложить этот разговор до завтра; это дает нам еще один день счастья – пусть даже счастья в трепете.

– Да, но мне кажется, было бы неправильным молчать слишком долго, – сказала она нежным голосом, который предполагал, что ее лицо зарделось. – Я хочу, чтобы он знал, что мы любим друг друга, Стефан. Зачем ты принял, как свою собственную, слишком близко к сердцу мою идею об отсрочке?

– Я объяснюсь, но прежде всего я хотел поведать тебе свой секрет – рассказать о нем сейчас же. Осталось еще два-три часа до того, как надо будет идти спать. Давай поднимемся на холм, к церкви.

Дверь церкви оказалась заперта. Они сошли с крыльца и

отправились, рука об руку, искать место для спокойной беседы среди могильных камней. Стефан выбрал плоскую могилу, которая казалась более новой и чистой, чем все другие вокруг, и, присев на нее сам, потянул ее к себе за руку.

– Нет, не будем сидеть здесь, – сказала она.

– Почему нет?

– Простая прихоть, но не имеет значения. – И она тоже села.

– Эльфи, будешь ли ты любить меня, несмотря ни на что, кто бы что ни говорил против меня?

– О Стефан, что заставляет тебя повторять это постоянно и с такой печалью? Ты же знаешь, что буду. Разумеется, буду, – сказала она, придвигаясь к нему поближе, – что бы там о тебе ни говорили – а ничего дурного никто придумать не сможет, – я буду льнуть к тебе, как и раньше. Твой жизненный путь станет и моим тоже, и мы будем вместе до самой смерти.

– Думала ли ты когда-нибудь о том, кто мои родители или к какому обществу я могу принадлежать?

– Нет, не особенно. Я заметила один-два пробела в твоих манерах, кои показались мне довольно необычными, ничего больше. Я полагаю, ты принадлежишь к обществу обыкновенных людей, приобретших какую-либо профессию.

– Предположим, что у меня нет… что никто больше из моей семьи не имеет профессии?

– Мне все равно. Меня интересуешь только ты.

– Как ты думаешь, где я ходил в школу… я имею в виду, какого рода это была школа?

– Академия доктора Такого-то, – сказала она легкомысленно.

– Нет. Сперва я ходил в начальную школу, а потом – в народное училище.

– Всего только училище! Ну, что ж, я люблю тебя еще больше, Стефан, милый Стефан, – проворковала она нежно, – я правда тебя люблю. А почему ты рассказываешь мне об этом так многозначительно? Почему мне это должно быть важно?

Он прижал ее к себе и продолжал:

– Как ты думаешь, кто мой отец, чем он зарабатывает на свой хлеб, как говорится?

– У него на руках некая профессия или занятие, я полагаю.

– Нет, он каменщик.

– Вольный каменщик?

– Да нет же, крестьянин и поденщик-каменщик.

Эльфрида сперва ничего не сказала. Спустя некоторое время она прошептала:

– Это мне кажется странным. Но не имеет значения… почему это должно быть важно?

– Как, разве ты не сердишься на меня за то, что я не сказал тебе раньше?

– Нет, вовсе нет. А твоя мать жива?

– Да.

– Она добрая леди?

– Очень, лучшая мать на свете. Все в ее роду были состоятельными йоменами на протяжении столетий, однако она – всего лишь доярка на молочной ферме.

– О Стефан! – вырвалось у нее тихое восклицание.

– Она продолжала работать на молочной ферме еще долго после того, как мой отец женился на ней, – рассказывал Стефан без дальнейших колебаний. – И я очень хорошо помню, как я был еще совсем маленьким, и, когда я приходил на доение, то смотрел, как с молока снимают сливки, спал где-нибудь там, когда сбивали масло, и по-настоящему верил, что помогаю ей. Ах, то были такие счастливые времена!

– Нет, никогда-никогда их нельзя будет назвать счастливыми.

– Да, они были счастливыми.

– Я не представляю, что за счастье можно чувствовать, выполняя тяжелую работу на молочной ферме, чтобы заработать себе на кусок хлеба, когда руки все красные и потрескавшиеся и башмаки грязные… Стефан, я прекрасно сознаю, как это странно – видеть тебя в таком свете, ведь у тебя была юность, полная… полная лишений, и ты выполнял такую низкую работу (при этих словах Стефан отшатнулся от нее на дюйм-два), но я ПО-НАСТОЯЩЕМУ люблю тебя, совсем так же, как раньше, – продолжала она, снова начиная льнуть к его плечу, – и для меня не имеет ни малейшего значения

твое прошлое, и я вижу, что ты стал только еще достойнее оттого, что тебе с малых лет пришлось пробивать себе дорогу в жизни.

– Это не мои заслуги, это заслуги Найта, который меня подталкивал.

– Ах, вечно он, вечно он!

– Да, и это по справедливости так. Теперь, Эльфрида, ты понимаешь, почему он учил меня по переписке. Мы были знакомы долгие годы, прежде чем он уехал в Оксфорд, однако я тогда еще не продвинулся достаточно далеко в моем чтении для него, чтоб до его отъезда из дому он стал тешить себя мыслью помогать мне в изучении классических языков. Потом меня отослали из деревни, и мы с ним очень редко виделись, но он продолжал поддерживать нашу систему обучения по переписке, притом с величайшей регулярностью. Я как-нибудь поведаю тебе всю историю, но не теперь. Нынче ко всему этому больше нечего добавить, остается разве что назвать местности, имена и даты. – Его голос стал тише на последних словах.

– Нет, не тревожься о том, чтобы сказать больше. Ты – милый, честный юноша, поскольку поведал мне все это; и здесь нет ничего ужасного. Стало в порядке вещей, что будущие миллионеры начинают свой путь, приходя в Лондон со своими инструментами в заплечном мешке да с монетой в полкроны в кармане. Такое происхождение становится настолько уважаемым в наши времена, – продолжала она бодро, –

что ему даже несколько свойствен налет норманнского происхождения.

– Ах, если бы я уже СКОЛОТИЛ себе состояние, я бы не тревожился об этом. Но пока что я остаюсь лишь возможным кандидатом в миллионеры.

– Чего вполне достаточно. И ЭТО вот все, из-за чего ты так беспокоился?

– Я думал о том, что поступаю дурно, позволяя тебе увлечься мною и не рассказывая своей истории; и все-таки я очень боялся рассказать ее, Эльфи. Я страшился потерять тебя и в данном случае вел себя, как последний трус.

– Каким обыкновенным кажется теперь все, связанное с тобою, в свете этого объяснения! Твоя необычная манера играть в шахматы, твое неправильное латинское произношение, которое заметил папа, та причудливая смесь твоих книжных познаний вкупе с пробелами по части самых обыденных вещей, что требуется уметь человеку из хорошего общества, – все становится ясно в один миг. А как это связано с той сценой, что я наблюдала в особняке лорда Люкселлиана?

– Что же ты видела?

– Я видела твою тень – как ты помогал некой леди набросить на себя шаль. Я была возле черного входа, а вы находились в комнате, окно которой выходило в мою сторону. Ты подошел ко мне минуту спустя.

– Она была моей матерью.

– ТАМ была твоя мать! – Она отодвинулась от него, чтобы заглянуть ему в глаза с изумлением.

– Эльфрида, – промолвил Стефан, – я собирался отложить это признание до завтра… я хотел придержать его… а теперь, как ни крути, мне придется об этом сказать. Остальная часть моей тайны касается того, где живут мои родители. Как ты думаешь, где они живут? Ты с ними знакома… ты их видела, по крайней мере.

– Я их знаю?! – воскликнула она в неизреченном изумлении.

– Да. Мой отец – Джон Смит, главный каменщик лорда Люкселлиана, который живет в коттедже за оградой парка, у реки.

– О Стефан! Может ли это быть?

– Много лет назад он построил… или помогал строить, тот самый дом, в котором ты ныне живешь. Он возвел те самые каменные столбы ворот у дома привратника, что высятся при въезде в парк, принадлежащий лорду Люкселлиану. Мой дед посадил те деревья, что окружают вашу лужайку; моя бабка – она трудилась в полях вместе с ним – ухаживала за каждым деревцом, пока оно не принялось и не укрепилось в почве, они говорили мне об этом сами, когда я был еще ребенком. Он был также церковным сторожем и выкопал многие из тех могил, что сейчас нас окружают.

– И твои необъяснимые отлучки в первое утро по приезде и затем новая, сегодня в полдень, – это все потому, что ты

забегал проведать своих отца и мать?.. Теперь я понимаю; немудрено, что ты отлично знал дорогу до деревни и обратно!

– Немудрено. Но помни, что я не жил здесь с девяти лет. Тогда меня отослали к моему дяде-кузнецу, который проживает неподалеку от Экзонбери, с тем, чтобы я мог каждый день посещать народное училище, ведь в те годы на наших далеких берегах не было ни одного подобного заведения. Тогда-то я и познакомился с моим другом Найтом. И вот, когда мне исполнилось пятнадцать и я был прекрасно обучен моим наставником из училища – а еще лучше обучен Найтом, – меня взяли в качестве ученика в контору архитектора, поскольку я искусно рисую карандашом. Полная плата за мое обучение у архитектора была целиком внесена моими отцом и матерью, и это было сделано против воли лорда Люкселлиана, который был бы рад возместить эти расходы, поскольку, как бы там ни было, он хорошо относится к моему отцу и держится очень высокого мнения о нем.

– Подумать только, что ТЫ, гость из Лондона, столичный житель, родился в этих краях и прекрасно знал нашу деревню задолго до того, как я тут поселилась. Как это странно… как это для меня необыкновенно странно! – тихо сказала она.

– Моя мать присела в реверансе перед тобою и твоим отцом в прошлое воскресенье, – сказал Стефан с вымученной улыбкой, мысля о неравенстве в положении. – И твой папа

сказал ей: «Я рад видеть, что вы исправно посещаете церковные службы, ДЖЕЙН».

– Я помню это, но я никогда не разговаривала с ней. Мы живем здесь всего только восемнадцать месяцев, а приход – такой большой.

– А теперь сопоставь это, – сказал Стефан с болезненным смехом, – с верой твоего отца в мою «голубую кровь», что так занимает его ум. В первый же вечер моего приезда он настаивал на том, что нашел корни моего происхождения, и привел якобы доказательства к тому, что я – потомок одной из самых древних фамилий западного графства, опираясь на то, как звучит мое второе имя, данное при крещении; тогда как правда состоит в том, что его дали мне потому, что дед мой был помощником садовника в усадьбе семьи Фицморисов-Смитов на протяжении тридцати лет. Но когда я увидел твое лицо, моя любимая, мне не хватило смелости ему возразить и поведать без утайки то, что навеки лишило бы меня твоего общества и благосклонности.

Она глубоко вздохнула.

– Да, теперь я вижу, каким образом это неравенство в положении может стать для нас препятствием, – вымолвила она и продолжала тихим, печальным шепотом: – Я бы не придала этому значения, живи они где-то далеко. На наше обручение папа бы согласился, будь ты сыном крестьян, что жили бы в ста милях отсюда: дальнее расстояние смягчило бы разницу в положении наших семей. Но он ни за что не одобрит… О

Стефан, Стефан! Что же мне теперь делать?

– Делать? – спросил он неуверенно и мрачно. – Откажись от меня; позволь мне вернуться в Лондон и больше обо мне не думай.

– Нет, нет, я не могу от тебя отказаться! Эта безнадежность нашей любви делает тебя лишь дороже моему сердцу… Я сейчас подумала о том, что не привлекло моего внимания раньше. Стефан, чего нам тревожиться? Почему папа будет возражать? Лондонский архитектор по-прежнему остается лондонским архитектором. Кто будет наводить о нас справки в Лондоне? Никто. Мы же там будем жить, не правда ли? Почему мы должны так об этом волноваться?

– Ну, Эльфи, – сказал Стефан, вместе с ее надеждами и его мечты вновь ожили у него в сердце, – Найт вовсе не считает меня всего лишь сыном крестьянина; он говорит, что я так же достоин его дружбы, как если бы родился сыном лорда; и если я достоин его дружбы, значит, я достоин и тебя, не так ли, Эльфрида?

– Я не только никого не любила до тебя, – промолвила она вместо того, чтоб ответить на его вопрос, – но я даже не завязала ни с кем тесной дружбы, такой, как у тебя с Найтом. Я бы хотела, чтобы этого не было. Такая дружба преуменьшает меня в твоих глазах.

– Что ж, Эльфрида, тебе лучше знать, – сказал он галантно. – И у тебя правда никогда не было другого возлюбленного?

– Никого, кто имел бы право называть меня своей возлюбленной.

– Но тебя правда никто не любил до меня?

– Ну нет, один человек любил меня однажды; очень сильно, как он говорил.

– Как долго?

– Ох, очень долго.

– Как долго, любимая?

– Целый год.

– Это не ОЧЕНЬ долго, – сказал он разочарованно. – А хотел ли он на тебе жениться?

– Думаю, что хотел. Но я не находила в нем ничего. Он был бы недостаточно хорош, даже люби я его.

– Могу я спросить, кем он был?

– Крестьянином.

– Крестьянин, который недостаточно хорош… а моя-то семья чем же лучше! – тихо воскликнул молодой человек. – Где же он теперь? – продолжал Стефан расспрашивать Эльфриду.

– ЗДЕСЬ.

– Здесь! Что ты хотела этим сказать?

– Я имею в виду, что он здесь.

– Где здесь?

– Под нами. Он покоится под этим могильным камнем. Он мертв, и мы сидим на его могиле.

– Эльфи, – отозвался Стефан, вскакивая с места и глядя

на могилу, – каким странным и печальным кажется это открытие! Это наводит меня на мрачные мысли.

– Стефан! Я не хотела сидеть здесь, но ты настоял.

– Ты никогда не поощряла его?

– Ни взглядом, ни словом, ни жестом – никогда! – промолвила она торжественно. – Он умер от чахотки и был похоронен в день твоего первого приезда.

– Давай поскорее уйдем отсюда. Мне не нравится находиться рядом с НИМ, даже если ты никогда его не любила. Он был с тобой ДО меня.

– Беспокойство делает тебя неблагоразумным, – сказала она немного обидчиво, следуя за ним на расстоянии нескольких шагов. – Возможно, мне следовало рассказать тебе все это до того, как мы там присели. Да, давай уйдем.

Глава 9

Хмурит брови отец[47].

Угнетенные, наперекор самим себе, и предчувствуя впереди грозящие им сложности, Эльфрида и Стефан рука об руку спускались с холма. У двери пасторского дома они помедлили в тоске, словно дети, что опоздали в школу.

Женщины принимают свою судьбу с большей готовностью, чем мужчины. Эльфрида уже полностью примирилась с ошеломляющим известием о том, что родители ее возлюбленного занимают незавидное общественное положение; Стефану же никак не удавалось побороть вздорную обиду на то, что Эльфрида успела вкусить обожания раньше, чем он ей его предложил.

– Как звали того молодого человека? – спросил он требовательным тоном.

– Феликс Джетуэй, единственный сын одной вдовы.

– Я помню эту семью.

– Теперь она меня ненавидит. Всем твердит, что я убила его.

Стефан задумался, и они взошли на крыльцо.

– Стефан, я люблю только тебя, – сказала она дрожащим шепотом.

---

[47] Скотт В. Лохинвар. Перевод В. Бетаки.

Он пожал ее пальцы, и тень вздорной обиды рассеялась лишь для того, чтоб потом вернуться вновь и привести за собою целый сонм более серьезных проблем.

Рабочий кабинет оказался единственной комнатой, где горел свет. Они вошли в дом, и каждый вел себя с намереньем скрыть нескрываемый факт, что в них громким голосом говорит взаимная любовь. Взгляд Эльфриды упал на человека, который сидел к ней спиной и говорил с ее отцом. Она бы тихонько поднялась к себе, но мистер Суонкорт заметил ее.

– Заходи, – пригласил он, – это же просто Мартин Каннистер, который пришел сделать выписку из церковного регистра для бедной миссис Джетуэй.

Мартин Каннистер, церковный сторож, был в некотором смысле поклонником Эльфриды. Он старался привлечь ее внимание, рассказывая о своем удивительном жизненном опыте: когда поднимает он на свет божий гробы, что покоились в сырой земле долгие годы, где спят вечным сном особы, которых он когда-то знал, то он-де сразу же узнает, кто это был, руководствуясь маленькими приметами (хотя на самом деле за всю свою жизнь никого-то он не узнал). У него были хитрые глазки и огромнейший двойной подбородок, что уравновешивался на диво маленьким носом.

Листок регистрационного бланка в руке Каннистера и несколько шиллингов, что лежали перед ним на столе, говорили сами за себя – дело с выпиской было завершено, и теперь направление беседе задавал тот ворох деревенских но-

востей, что занимал и жителя прихода, и пастора.

Мистер Каннистер поднялся на ноги и коснулся лба указательным пальцем, отдавая уважительный салют Эльфриде и вполовину уважительный – Стефану (коего он, как и все прочие жители деревни, вовсе не признал), затем вновь сел на свое место и вернулся к беседе:

– На чем я остановился, сэр?

– На том, как ставили столб, – подсказал мистер Суонкорт.

– Да, я баил о столбе. Так вот, как я и говорил, Нат вбивал столб в этакой манере, можно так выразиться. – Здесь мистер Каннистер левой рукой поднял свою палку строго вертикально и изобразил правой удар огромной силы, что раз за разом обрушивался на верх столба. – А Джон устанавливал столб вот так, доложу я вам. – Здесь он слегка встряхнул палку и твердо взглянул в глаза всем своим слушателям, чтоб узнать их впечатление от истории прежде, чем вести ее дальше, да определить, поняли ль они хорошенько предмет, о котором шла речь. – Ну, стало быть, Нат отвесил еще полдюжины ударов этому столбу да замешкался на секунду аль две. Джон, думая, что он уже закончил вбивать, возьми да обопрись как следует на энтот столб, чтобы проверить, прочно ль он вошел в землю. – Мистер Каннистер простер свою длань над верхом палки, полностью закрывая ее верхушку своей ручищей. – Ну, надобно сказать, Нат и не думал кончать со вбиванием, и как раз, когда Джон положил руку на столб, его кувалда…

– Ох, ужасно! – громко всхлипнула Эльфрида.

– Видите ли, сэр, кувалда уже пошла опускаться вниз. Нат краем глаза увидал руку Джона, однако не смог остановить вовремя удар кувалды. И как обрушилась кувалда на руку бедняге Джону Смиту, и приложила она его будь здоров.

– Боже мой! Боже мой! Бедняга! – проговорил священник с теми интонациями, что напоминали стоны раненых в фортепианном исполнении романса «Битва под Прагой».

– Джон Смит, главный каменщик? – закричал Стефан, не помня себя.

– Да, он самый; и другого такого добросердечного человека не сотворил Всемогущий Господь.

– Сильно ли он ранен?

– Я слыхал, – сказал мистер Суонкорт, не обращая внимания на последние слова Стефана, – что у него сын живет в Лондоне и что молодой человек подает большие надежды.

– Ох, он, должно быть, серьезно ранен! – снова простонал Стефан.

– Удар кувалды не может быть дружеским похлопыванием. Что ж, сэр, доброй вам ночи желаю; и вам, сэр; и вам, разумеется, мисс.

Мистер Каннистер вышел незамеченным, и прощальные слова слетели с его губ уже тогда, когда он был за дверью. Прошагав через холл, он потратил больше минуты на то, чтоб закрыть дверь как следует, и после этого быстро удалился, оказавшись за пределами слышимости.

Тем временем Стефан повернулся к священнику и сказал:

– Прошу извинить меня на этот вечер! Я должен бежать. Джон Смит – мой отец.

Пастор сперва его не понял.

– Что ты сказал? – спросил он.

– Джон Смит – мой отец, – медленно повторил Стефан.

Буряковый цвет поднялся от шеи мистера Суонкорта и залил его лицо, черты его заострились, а губы сжались в прямую линию. Было очевидно, что ряд мелких случайностей, до сей поры не привлекавших к себе его внимания, ныне соединились в одно целое и создали ясную картину в уме мистера Суонкорта, картину такого рода, которая делала ненужными дальнейшие объяснения со стороны Стефана.

– И впрямь, – сказал священник сухим тоном и без всякого выражения.

Смысл этих слов полностью зависит от того, с какой интонацией их произносят, и если судить с этой точки зрения, то в исполнении мистера Суонкорта в данной фразе не прозвучало никаких чувств.

– Я должен идти сейчас же, – сказал Стефан взволнованным тоном и сделал движение, словно не знал, куда ему кидаться – бежать ли прочь немедля или же остаться еще на минуту. – Когда я вернусь, сэр, будете ли вы столь добры поговорить со мною несколько минут с глазу на глаз?

– Разумеется. Хотя априори мне представляется невозможным, чтоб у нас с вами могла найтись тема для частной

беседы.

Мистер Суонкорт нахлобучил на лоб свою соломенную шляпу, пересек залитую лунным светом гостиную и вышел на веранду через стеклянную дверь во французском вкусе. Не требовалось никаких дальнейших усилий, чтобы понять то, что на самом-то деле здравое рассуждение могло предсказать и так – какова будет реакция человека, для которого естественным состоянием ума было находить удовольствие в одних только разборах генеалогий, да хороших обедах, да патрицианских мемуарах, сообразить, что в душе мистера Суонкорта предрассудки будут говорить сильнее, чем его великодушие, и что те дни, когда он считал Стефана другом и относился к нему как к равному если не канули в прошлое без возврата, то уже сочтены.

Стефан сделал бессознательное движение, будто хотел бежать за священником, затем, словно в полнейшей растерянности, не зная, куда ему деваться, он в конце концов неловко вышел в дверь. Эльфрида медленно последовала за ним, держась на расстоянии. Прежде чем она успела пройти два ярда от входной двери, Юнити и Энн, служанки, вернулись домой после своей прогулки в деревню.

– Слышали вы что-нибудь о Джоне Смите? Все обернулось не так плохо, как об этом болтают, не правда ли? – бросилась к ним Эльфрида.

– Ох, да; доктор сказал, что останется просто большущий синяк.

– Я так и знала! – воскликнула Эльфрида радостно.

– Он говорит, что, хотя Нат уверяет, что не успел уследить за кувалдой до того, как та опустилась, да притормозить ее, он, должно быть, сделал это бессознательно – и явно отклонил ее в сторону тоже; поскольку удар сплеча раздробил бы руку, а в действительности остался попросту черно-голубоватый синяк.

– Как я ему благодарен! – воскликнул Стефан.

Взбудораженная Юнити уставилась на него, разинув рот и округлив глаза.

– Этого довольно, Юнити, – сказала Эльфрида властно, и обе служанки прошли мимо них.

– Эльфрида, простишь ли ты меня? – спросил Стефан со слабой улыбкой. – Кого только любовь не вынуждала хитрить, – продолжал он и, взяв ее за руку, легонько пожал ее пальцы.

Она, стоя с головою вполоборота, словно на картине Греза[48], уловила нежный упрек, прозвучавший в его словах, сказанных с сомнением, и пожала его руку. Стефан ответил на это пожатие втройне и затем торопливо зашагал к отцовскому коттеджу, что находился у ограды парка Энделстоу.

– Эльфрида, что ты на это скажешь? – обратился к ней ее отец требовательным тоном, немедленно появляясь вновь,

---

[48] Жан-Батист Грез (1725–1805) – французский живописец, с которым мало кто во Франции мог сравниться в искусстве писать драмы, происходящие в семейном быту.

как только Стефан исчез из комнаты.

С той быстротою, что присуща всем женщинам, она ухватилась за любую соломинку, что могла помочь ей замять это дело.

– Он сам сказал мне об этом, – молвила она нерешительно, – так что в отношении его это не открытие. Он вошел с тем, чтобы рассказать тебе обо всем.

– ВОШЕЛ, чтобы рассказать! Почему он не сказал это сразу же? Я возмущен так же сильно, если не больше, тем, что он коварно умолчал о сем предмете, а не самим фактом. Чертовски смахивает на то, что он обвел меня вокруг пальца, да и тебя тоже. Ты и он проводили много времени вместе и переписывались друг с другом в такой манере, какую я вовсе не одобряю, то есть самым неподобающим образом. Ты должна знать, насколько непристойно подобное поведение. Женщина не может переборщить с осторожностью, когда ее оставляют наедине с я-не-знаю-кем.

– Ты же видел нас, папа, и ни разу ни слова не сказал.

– Моя вина, конечно, моя вина. Какого черта я думал! Он, крестьянский сынок, и мы, Суонкорты, родня Люкселлианам. Наш род медленно угасал на протяжении столетий, и вот я вижу, что мы и впрямь обратились в ничто. Спрашивается, кого еще подлее родом можно сыскать, чтоб пригласить его в нашу гостиную!

Увидев, что события развиваются самым неблагоприятным образом, Эльфрида начала горько плакать:

– О папа, папа, прости меня и его! Мы так любим друг друга, папа, о, так сильно любим! И то, о чем он собирался говорить с тобою: благословишь ли ты наше обручение, пока он не выйдет в такие же славные джентльмены, как и ты? Мы не торопимся, милый папа; мы вовсе не собирались венчаться немедленно; мы собирались отложить венчанье до тех пор, пока он не станет богаче. Только дозволь нам обручиться; что дурного в том, что он любит меня, а я люблю его?

Чувства мистера Суонкорта были немного смягчены этой мольбой, но его раздражало то, что было этому причиной.

– Разумеется, нет! – он отвечал. Он произнес свой запрет длинно и звучно, так, что «нет» прозвучало как «не-е-ет!».

– Нет, нет, нет, не говори так!

– Пфф! Хорошенькая история. Мало того что я был одурачен и опозорен тем, что принимал его у себя – его, сынка одного из моих прихожан-деревенщин, – так теперь я должен вдобавок назвать его своим зятем! Силы Небесные, да ты рехнулась, Эльфрида?

– Ты же видел его письма ко мне с самого первого дня его появления у нас, папа, и ты знал, что они были в своем роде… любовными письмами; и с тех пор, как он гостит у нас, ты почти все время оставлял нас с ним наедине; и ты догадывался, ты не мог не догадываться о том, что мы думаем и чем занимаемся, и ты не остановил его. Вслед за любовными ухаживаниями приходят любовные победы, и ты знал, что этим все закончится, папа.

Священник парировал этот выпад, в котором звучало столько здравого смысла:

– Я знаю, раз уж ты так давишь на меня… я подозревал, что какое-то детское увлечение могло возникнуть между вами, я признаю, что не обременял себя хлопотами это предотвратить, но я никогда и не поощрял этого прямо; и как можешь ты, Эльфрида, ожидать, что я одобрю это теперь? Это невозможно; ни один отец во всей Англии не стал бы слушать о возможности такого мезальянса.

– Но он все тот же самый человек, папа, тот же самый человек во всем; и как он может не подходить мне теперь, если прекрасно подходил раньше?

– Он казался молодым человеком, у которого есть состоятельные друзья и небольшая, но собственность; а без того и другого он – совершенно иной человек.

– И ты ничего о нем не заподозрил?

– Я следовал рекомендации от Хьюби. Он должен был поставить меня в известность. И это же должен был сделать сам молодой человек; разумеется, он должен был это сделать. Я это рассматриваю как в высшей степени неблагородный поступок: этак являться к человеку в дом запросто, словно вероломный я-не-знаю-кто.

– Но он боялся сказать тебе, папа, и я тоже боялась. Он слишком сильно любит меня, чтобы подвергать нашу любовь такой опасности. А что касается рассказа о друзьях и покровителях, который он якобы задолжал нам в свой первый ви-

зит, то я не понимаю, почему ты настаиваешь на том, что он обязан был это сделать. Он приезжал к нам по делам, и нас вовсе не касалось, кто его родители. А затем он понял, что если тебе все расскажет, то его никогда больше сюда не пригласят, и он, быть может, никогда не увидит меня снова. А он хотел меня увидеть. Кто может осуждать его за попытку любыми судьбами остаться подле меня – девушки, которую он любит? В любви все средства хороши. Я слышала, как ты сам говорил это, папа; и ты сам поступил бы так же – как он, как любой другой мужчина на его месте.

– И любой другой мужчина, сделав такое открытие, как я сегодня, сделал бы то, что намерен сделать я, и постарался исправить свою ошибку, а это значит – выставить его вон, как только законы гостеприимства мне это позволят… – Но тут мистер Суонкорт вспомнил, что он христианин. – Конечно же я ни за что на свете не вышвырну его за дверь, – добавил он, – но думаю, у него достанет такта понять, что ему нельзя задерживаться здесь дольше, если у него есть хоть капля хороших манер.

– Он и не останется, поскольку он джентльмен. Видишь, какие у него изящные манеры, – отозвалась Эльфрида, хотя, возможно, манеры Стефана были сравнимы с подвигами Эвриала[49] – иными словами, стали хороши в ее глазах скорее

[49] Эвриал (лат. Euryalys) – сын Офельта, один из героев «Энеиды» Вергилия, входил в число спутников Энея, сам же прославился самоотверженной дружбой к своему сверстнику Низу. Скорее всего, Харди имеет в виду строки «Энеиды»: «Доблесть милее вдвойне, если доблестный телом прекрасен». Вергилий. Эне-

из-за красивой внешности их обладателя, чем благодаря тому, что были из ряда вон.

– Вздор, кто угодно станет таким, кого ты назовешь изящным, если он поживет немного в городе да будет внимательно смотреть по сторонам. И он, должно быть, поднабрался своего джентльменства, когда ходил на галерку в театры да смотрел во все глаза на манеры светских гостиных, какими их выставляют на театральных подмостках. Он мне напомнил один из худших анекдотов, что я когда-то слышал.

– Что это была за история?

– Ох нет, благодарю покорно! Я ни за что на свете не посвящу тебя в такие непристойности!

– Если бы его отец и мать жили на севере или на востоке Англии, – храбро настаивала на своем Эльфрида, несмотря на то что ее речь прерывалась рыданиями, – где угодно, но не здесь… ты… бы… видел только… ЕГО, а не ИХ! Его положение в жизни… было… было бы таким… каким его представляет его профессия… и не было бы испорчено… незавидным положением его отца… совсем… с которым он и не жил… никогда. Несмотря на то что Джон Смит скопил много денег и гораздо богаче нас с тобою, как все говорят, иначе он не смог бы оплатить сыну такое дорогостоящее образование. И это очень умно и… благородно… со стороны Стефана, быть лучшим из своей семьи.

– Да. «Если скот владеет скотиной, то его ясли будут все-

ида / Перевод С. Я. Ошерова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 114.

гда стоять у королевского стола»[50].

– Ты оскорбляешь меня, папа! – закричала она, рыдая. – Оскорбляешь, оскорбляешь! Он – мой Стефан, и я люблю его!

– Это может быть правдой, а может и не быть, Эльфрида, – парировал ее отец, вновь чувствуя себя некомфортно оттого, что невольно смягчился. – Ты смешиваешь воедино будущие возможности с нынешними фактами – то, кем молодой человек может стать, и то, кто он есть сейчас. Мы должны смотреть на то, что он представляет собой сейчас, а не на ту неправдоподобную степень успеха на избранном им поприще, что может принести ему будущее. Расклад таков: сынок крестьянина из моего прихода, которому, возможно, удастся, а возможно, и нет, купить меня с потрохами, молодой человек, который еще ничего не добился в жизни, чтобы прославить свое имя, и пока находящийся на иждивении отца, желает обручиться с тобой. Его семья живет именно в том месте в Англии, что и твоя, и поэтому по всему графству – которое для нас представляет собой целый мир – тебя всегда будут величать женой Джека Смита, сынка каменщика, и ни при каких обстоятельствах – женою лондонского архитектора. Это препятствие, а не компенсирующий факт, и так о нем будут судачить во веки вечные. Поэтому ни слова больше. Ты можешь препираться со мною хоть всю ночь и доказывать все, что тебе вздумается; я не отступлю от своих слов.

---

[50] Шекспир У. Гамлет. Акт V, сцена 2. Перевод М. Лозинского.

Эльфрида устремила в окно гостиной безмолвный и безнадежный взор, глядя в темноту огромными глазами, полными слез, щеки ее были мокрыми.

– Я назову это огромным безрассудством и желаю во всеуслышание объявить это наглостью – наглостью, что свойственна Хьюби, – подвел итог ее отец. – Я и не слыхивал никогда о подобных вещах – чтоб такие рекомендации раздавали направо-налево, всякому неуклюжему подростку, всякому выходцу из здешних мест, да еще такие, что он мне предоставил. Натурально, любой человек был бы так же одурачен, как и я. Поэтому я тебя нисколько не осуждаю. – Он вышел на поиски первого письма мистера Хьюби. – Вот что он написал мне: «Дорогой сэр… повинуясь вашей просьбе от 18-го числа, я условился сделать обзор и эскизы башни и крыла приходской церкви, et cetera… мой помощник, мистер Смит…» Помощник, видишь, как он его назвал, и, натурально, я подумал, что это сродни партнеру. Почему он попросту не сказал «клерк»?

– Никто не зовет их клерками по этому роду занятий, поскольку они не работают с документами. Стефан… мистер Смит… так мне сказал. Поэтому получается, что мистер Хьюби воспользовался общепринятым выражением.

– Буду премного благодарен, если ты не станешь затыкать мне рот, Эльфрида! «Мой помощник, мистер Смит, с этими целями покинет Лондон, выехав к вам ранним поездом сегодня утром… Я КРАЙНЕ БЛАГОДАРЕН ВАМ ЗА

ТО, ЧТО ВЫ ЛЮБЕЗНО ПРЕДЛОЖИЛИ ЕМУ ОСТАНОВИТЬСЯ ПОД ВАШИМ КРОВОМ… МОЖЕТЕ ПОЛНОСТЬЮ ЕМУ ДОВЕРЯТЬ и всецело положиться на его умение разбираться в церковной архитектуре». Ну, я повторяю, Хьюби должен стыдиться того, что дает эдакую пышную характеристику молодчику без имени и состояния, выходцу из самых низов.

– Профессионал из Лондона, – возражала Эльфрида, – и знать не знает ничего о том, кто отец и мать его клерков. У них есть помощники, которые трудятся в их конторах и магазинах годами, и они едва ли знают, где те живут. То, что те умеют делать, то, какую пользу они могут принести фирме, – вот все, что заботит лондонца. И это дополняется его достойным умением быть всегда приятным.

– Умение быть всегда приятным – скорее недостаток, чем достоинство. Это говорит о том, что у человека недостает здравого смысла, чтобы знать, кого ему следует презирать.

– Это говорит о том, что он поступает согласно вере и судит не по внешнему виду, в отличие от тех, кто обязан всем проповедовать эти принципы.

– Так вот, значит, что именно он успел вбить тебе в голову, как я посмотрю! Да, у меня проснулись на его счет некоторые подозрения, так как он был совсем равнодушен к любым соусам. Я всегда предполагал, что человек не может считаться настоящим джентльменом, если у него отсутствуют предпочтения в соусах. Нечувствительное к тонким блюдам

небо неизменно разоблачает раздвоенное копыто выскочки. Подумать только, а я-то ради него достал из погреба бутылку 40-градусной «Мартинез»[51] – у меня теперь ее осталось всего одиннадцать бутылок, – все ради щелкопера, который и знать не знает, что цена одной такой бутылке восемнадцать пенсов! А потом еще эта латинская цитата, когда он закончил мое высказывание; цитата была очень заурядная, очень, в противном случае я, который не заглядывал в латинские книги последние восемнадцать лет, ее бы не вспомнил. Что ж, Эльфрида, тебе лучше удалиться в свою комнату; эта блажь у тебя со временем пройдет.

– Нет, нет, нет, папа, – простонала она.

Известно, что из всех мучений, сопровождающих несчастливую любовь, худшее – мысль о том, что страсть, которая вызвала их появление на свет, может угаснуть.

– Эльфрида, – сказал ее отец с грубым дружелюбием, – я работаю над превосходным планом, о котором не могу пока тебе рассказать. Исполненье этого плана будет выгодно и тебе, и мне. Это осенило меня совсем недавно – да, меня попросту осенило, – но я и помыслить не мог обо всех выгодах вплоть до сегодняшнего дня, пока не узнал про это разоблачение. Было бы крайне неразумно с моей стороны не пытаться поймать удачу за хвост.

– Мне не нравится это твое выражение, – парировала она устало. – Ты уже потерял почти все через такие вот превос-

---

[51] «Мартинез» – текила; гурманы пьют ее после трапезы.

ходные планы. Неужели это снова какие-нибудь несуществующие рудники?

– Нет, мой план не касается рудников.

– Тогда акции на строительство железных дорог?

– Нет, речь не о железных дорогах. Это как те таинственные предложения в рекламе, приняв которые любой джентльмен, даже если Господь обделил его мозгами, способен преуспеть за неделю, не взяв на себя ни малейшего риска, не доставив себе неприятностей и не замарав рук. В любом случае, я тверд в своем намерении ничего об этом не рассказывать, пока все не будет устроено, хотя могу открыть уже сейчас, что у тебя вскоре появятся другие дела вместо того, чтоб забивать себе голову мечтами о Стефане Смите. Помни, я намерен вести себя не гневно, а дружелюбно по отношению к молодому человеку; ради тебя я смотрю на него как на друга – до некоторой степени. Но и этого довольно; а через несколько дней ты и сама будешь думать в точности так же, как я. Ну, ступай в свою комнату. Юнити принесет тебе наверх ужин. Я не желаю, чтобы ты была здесь, когда он вернется.

Глава 10

Укрыт надежно липой вековою[52].

Стефан воротился обратно к коттеджу, который покинул всего два-три часа назад. Он добрался до ограды парка Энделстоу и вступил под роскошную сень листвы деревьев, растущих на опушке; лучи лунного света, пробиваясь сквозь эти лиственные своды, путались в его кудрях – и казалось, что над головой у него сияние, – да светлыми пятнами плясали на его спине при быстрой ходьбе. Когда он пересек дощатый мосток и через калитку вошел в сад, он увидел залитую лунным светом фигуру, что направлялась от прилегавшего к дому участка в сторону самого дома, но с другой его стороны. То был его отец с рукой в перевязке, который осматривал сад, ярко освещенный луною, а в особенности – то место, где росла самая молодая поросль репы, осматривая ее перед тем, как запереть коттедж на ночь.

Он поприветствовал сына со своей обычной энергичностью.

– Хэлло, Стефан! А мы уж минут через десять собирались отправиться на боковую. Забежал узнать, что со мной стряслось, мой мальчик?

Доктор приходил и уже ушел, и было провозглашено, что

[52] Бернс Р. Субботний вечер поселянина. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

это легкий ушиб руки, хотя такой ушиб признали бы гораздо более серьезным, занимай мистер Смит ступеньку повыше на общественной лестнице. Беспокойные расспросы Стефана были вызваны скорее словами сожаления его отца, что, дескать, его подручным-каменщикам будет сложно обходиться без него ближайшие два дня, чем заботой о том, сколько боли причинило ему происшествие. Вместе они вошли в дом.

Джон Смит – коричневый, как палые листья осенней поры, если говорить о его коже; белый, как снега зимы, если вести речь о его рабочей одежде, – мог служить прекрасным образцом типичного деревенского архитектора-любителя. Как это обычно случается с большинством деревенских ремесленников, в нем было слишком много индивидуальности, чтобы называть его типичным рабочим – тем результатом обтачивания прибрежной гальки морскими волнами большого города, что производит метаморфозу, когда множество «я» становятся частью единого класса.

Его работа не принесла ему той специализации, что отличает городских ремесленников. Несмотря на то что он был, грубо говоря, только каменщик, он также не считал ниже своего достоинства помогать ворочать каменную глыбу, если двигать такие глыбы составляло необходимость работы на сегодня, да класть шифер или изразцы, если крышу нужно закончить до наступления дождливой погоды, а под рукой не находилось никого, кто сделал бы это лучше. Правду мол-

вить, раз или два в разгар зимы, когда морозы властно запрещали всякое использование мастерка, переноску каменных блоков, разведение строительного раствора да строительство фундаментов, ему даже случалось принимать участие в рубке и распиле деревьев. Более того, он на своем участке земли так много лет занимался огородничеством, что при необходимости мог зарабатывать себе на жизнь и этим занятием.

Возможно, наши сельские жители не столь искусны в ремеслах, как их собратья-горожане, занятые в торговле. Но по правде сказать, он был как тот неповоротливый мастер по изготовлению булавок, что делает все сам от начала и до конца, заслуживший за это презрение от Адама Смита[53] и уважение – от Маколея[54], который, как бы там ни было, всегда оставался настоящим художником своего дела.

Когда они оба вошли в дом, то при свечах стало видно, какой это здоровяк. Его густая и туго заплетенная борода была как у статуи мраморного Геркулеса; рукава рубашки были у него засучены, жилет расстегнут, и снежно-белая льняная одежда и его загорелые руки да лицо составляли контраст столь же разительный, как белый белок и желтый желток в яйце. Миссис Смит, услыхав, что они вошли, выплыла из бу-

---

[53] Адам Смит (1723–1790) – один из «отцов» экономической теории, автор «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776).

[54] Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – британский государственный деятель Викторианской эпохи, автор популярного пятитомного труда «История Англии», который, впрочем, привлекал читателей скорее изяществом литературного стиля автора, чем точностью исторических фактов.

фетной.

Миссис Смит – матрона, внешность которой способен был оценить скорее ум наблюдателя, нежели его взор, однако это вовсе не значило, что она была дурна собой. Она еще сохранила свою свежесть даже теперь, в прозаическую пору осени ее жизни; и то, что главным образом выражали ее черты, был крепкий здравый смысл, стоявший за ними, а в совокупности ее черт отражалось зримое, своеобразное, подкрепленное аргументами суждение о том, что собой представляет весь наш мир.

Отец Стефана заново пересказал все подробности происшествия в той драматической манере, что была свойственна и Мартину Каннистеру, и другим индивидуумам, живущим по соседству, да и всему деревенскому миру в целом. Миссис Смит вставляла рассказы о своих переживаниях между актами сей драмы, как корифей в древнегреческой трагедии, делая повествование завершенным. Наконец история приблизилась к своему завершению, сколь бы ни была длинна, и Стефан направил течение разговора по другому руслу.

– Ну, что ж, мама, теперь они все обо мне знают, – сказал он спокойно.

– Славно сработано! – отвечал его отец. – Наконец-то я больше не буду волноваться.

– Я порицаю себя… я никогда себе не прощу то, что не сказал им раньше, – продолжал молодой человек.

При этом замечании миссис Смит разом позабыла о преж-

ней теме беседы.

– Я никак в толк не возьму, почему ты должен из-за этого расстраиваться, Стефан, – сказала она. – Когда люди нежданно-негаданно заводят себе друзей, то не вываливают им при первой же возможности рассказ обо всей подноготной своей семьи.

– Ты не сделал ничего дурного, это точно, – промолвил его отец.

– Да, но я должен был открыться им раньше. Мой визит имел гораздо больше значения, чем вы думаете, гораздо, гораздо больше значения.

– Не так уж много, как я полагаю, – отвечала миссис Смит, глядя на него в задумчивости.

Стефан покраснел, а его отец переводил взгляд с жены на сына, явно не понимая, о чем идет речь.

– Она довольно-таки хорошенькая, – продолжала миссис Смит, – и манеры у нее как у настоящей леди, да и умненькая она тоже. Но, несмотря на то что она, в общем-то, прекрасно тебе подойдет, зачем, скажи ты мне, да смилуется над нами Господь, на кой тебе сдалась жена именно сейчас, когда ты еще не кончил учебу?

Джон наморщил лоб да разинул рот от изумления.

– Так вот откуда ветер дует, да? – сказал он.

– Мама, – закричал Стефан, – какие глупости ты говоришь! Критически обсуждать, подходит она мне или нет, как будто здесь осталось место сомнениям! Что ты, женитьба на

ней будет для меня истинным благословением – и с точки зрения положения в обществе, и с практической точки зрения, так же, как и во всех прочих аспектах. Боюсь только, что я для нее совсем невыгодная партия, поскольку слишком высоко стоит она на общественной лестнице по сравнению со мною. Ее семья не захочет принять в свое лоно такого деревенского увальня, как я.

– Если ты для них недостаточно хорош, тогда я скорей предпочту увидеть их хладные трупы, чем приму в нашу семью, и пускай себе ищут семьи получше фасоном, где соизволят их принять.

– Ах да, но я никогда не примирюсь с неприязнью к факту, что радушно принят в среде тех людей, о которых ты ведешь речь, когда на меня как на пустое место смотрят в ее среде.

– Какой еще безумный вздор мы от тебя услышим на следующий раз? – сказала его мать. – И раз уж об этом зашел разговор, ни она не стоит выше тебя на общественной лестнице, ни ты не находишься на столь низкой ступени, чтобы считаться ее недостойным. Ты сам можешь посудить, насколько тактично мое поведение. Я уверена, что никогда не останавливалась, чтобы поболтать больше минуты с какими бы то ни было поденщиками, и никогда я не приглашала к нам на вечера тех, у кого нет собственного предприятия. И я не однажды вела беседы с превосходными людьми, что приезжали в гости к нашему лорду, и не говорила им ни «мадам», ни «сэр», и они принимали это кротко, как ягнята.

– Ты присела в реверансе перед священником, и я хотел бы, чтобы ты этого не делала.

– Но это было до того, как он назвал меня просто по имени, данному мне при крещении, иначе не дождался бы он от меня реверансов ни за что! – взвилась от возмущения миссис Смит, и ее глаза засверкали. – Ты набрасываешься на меня, Стефан, будто я твой злейший враг! Что мне еще оставалось делать, чтобы от него избавиться, когда он все грохочет и грохочет передо мною да твоим отцом о своем величии, да только о том и хлопочет, чтобы показать это прямо иль косвенно, и все-то распинается, повествуя о тех днях, как он был молодой парень да учился в колледже, и уж не знаю, чего-чего только не приплетет сюда; и языком своим он орудует так же проворно, что наши молодки – своею ветошью на швабре, когда моют полы в маслобойне. Так оно и есть, ведь правда, Джон?

– Сущая правда – вот что это такое, – подтвердил ее супруг.

– В наше время любой женщине, – подытожила миссис Смит, – если ей вообще удастся подцепить себе мужа, следует ожидать, что ее свекр будет ниже рангом, чем ее отец. Мужчины поднимаются вверх, а женщины остаются в своем кругу. Каждый молодой человек, с которым ты свел знакомство, больший франт, чем его отец, а ты стоишь на одной доске с нею.

– Именно так думает и она сама.

– Это только говорит о ее здравом смысле. Я знала, что она будет гоняться за тобою, Стефан, я знала.

– Гоняться за мною! Великий Боже, что ты еще скажешь!

– Видно, я и впрямь должна повторить, что тебе не след жениться в такой спешке и надо подождать несколько лет. Тогда ты поднимешься выше, чем дочка разорившегося священника.

– Факты таковы, мама, – сказал Стефан, теряя терпение, – что ты ровным счетом ничего не знаешь. Я никогда не поднимусь выше, потому что я этого не хочу, да и не захочу, проживи я хоть сто лет. А что касается твоих замечаний, что она гоняется за мной, то мне такие высказывания о ней ужасно не нравятся, поскольку они годятся лишь для интриганки да для мужчины, который стоит того, чтоб ему расставили такие сети, и оба они не просто лживы по своей натуре, но до нелепости лживы в этом случае. Правда, отец?

– Боюсь, что я не настолько хорошо понял тему вашей беседы, чтобы высказывать свое мнение, – отвечал его отец тоном лисицы, что подхватила насморк и порастеряла свой нюх.

– Так или иначе, но она явно не мешкала, памятуя о том кратком времени, что вы знакомы, – молвила его мать. – Что ж, я думаю, тебе еще лет пять можно не задумываться о подобных вещах. И, говоря начистоту, она прекрасно может позволить себе подождать, да и подождет тебя, помяни мое слово. Прозябая в таком богом забытом уголке, как наш, я

уверена, она не помнила себя от счастья, что ты вообще обратил на нее внимание. Вероятнее всего, она бы умерла старою девой, не появись ты на горизонте.

– Все это вздор, – сказал Стефан, но не особенно громко.

– Она премиленькая девочка, – продолжала миссис Смит более благодушным тоном, заметив, что Стефан понизил голос. – И о ней самой я не могу сказать ни словечка дурного, это правда истинная. Я порой видела ее, разодетую, что твоя лошадка, которую ведут на ярмарку, и мне она очень за это по сердцу. Настоящая маленькая леди. Но люди думают то, что думают, ничего тут не поделаешь, и, если бы она преуспела в своей школе да добилась бы там видного положения, а не занималась всяким сочинительством, это отразилось бы на ее кармане куда лучше, ибо, как я уже сказала, не было еще хуже времен для людей ее положения.

– Ну же, ну же, мама, довольно, – сказал Стефан с улыбкой, но неодобрительным тоном.

– Нет уж, я докончу! – резко ответила его мать. – Я недаром читаю газеты и знаю, что все мужчины стараются взять себе жену повыше классом. Мужчины ее круга, те же самые священники, женятся на дочерях сквайров; сквайры женятся на дочерях лордов; лорды женятся на дочерях герцогов; герцоги женятся на королевских дочерях. На каждой ступени социальной лестницы джентльмены метят на ступеньку выше, а благородные женщины ниже классом коротают свой век в старых девах или решаются на мезальянсы.

– Но ты же только что сама говорила, дорогая мама… – начал возражать Стефан, который не в силах был промолчать, не указав матери на ее непоследовательность. Вдруг он замолк.

– Ну, так что же я сказала? – И миссис Смит упрямо сжала губы, изготовившись к новой перепалке.

Стефан, сожалея о том, что вообще произнес эти слова, и опасаясь вызвать новое извержение вулкана, теперь, однако же, вынужден был продолжать:

– Ты только что сказала, что я вовсе не ниже ее по социальному положению.

– Да, именно, именно! Вот это слова моего сына; так говорит моя плоть и кровь. Ручаюсь, ты отыщешь несостыковки во всем, что ни скажет твоя мать, Стефан. Ты совсем как твой отец, принимаешь сторону кого угодно, но только не мою. В то время пока я тут распинаюсь, и беседы веду, и прилагаю столько усилий, и тружусь, как рабыня, для твоего же блага, ты пребываешь в ожидании да выискиваешь огрехи в моих речах, чтобы с торжеством на них указать. Да, вы с нею люди одного круга, но ваш брак ЕЕ родные непременно НАЗОВУТ мезальянсом, ибо таким он и будет, по их понятиям. Не будь же таким задиристым, Стефан!

Стефан отвечал благоразумным молчанием, которое скопировал у своего отца, и в течение нескольких минут ничего не было слышно, кроме тиканья напольных часов с зеленым циферблатом, что стояли у стены.

– Я уверена, – прибавила миссис Смит более философическим тоном и в качестве заключительной речи, – что, если бы в мои времена было так же тяжело подцепить себе мужа, как это стало в нынешние дни – когда тебе надо молиться на своего *мужа,* словно на Господа Всемогущего, за то, что он выбрал в жены тебя, – мне бы пришлось месить ногами глину для кирпичей, чтобы приструнить свою гордыню да пойти замуж, и если это неправда, тогда на девять хлебов не пошло ни единого доброго зерна.

На этом разговор прервался, да и время было уже позднее, поэтому Стефан пожелал родителям спокойной ночи и обратился к матери с обычной своей сердечностью, не держа на нее зла за их препирательства, ибо, хотя миссис Смит и Стефан часто спорили друг с другом, они никогда по-настоящему не враждовали.

– И может быть, – сказал Стефан, – мне придется покинуть наши края завтра утром; я еще не знаю. Словом, если я вас не навещу перед возвращением в Лондон, не тревожьтесь за меня, ладно?

– Но разве ты приехал не на две недели? – спросила его мать. – И разве у тебя отпуск не длится месяц? Значит, они собираются указать тебе на дверь?

– Вовсе нет. Я волен остаться; волен и уехать. Если я уеду, вам лучше ничего не говорить о моем пребывании здесь, для ее блага. В котором часу утра дилижанс проезжает дорогу Энделстоу?

– В семь утра.

И после этого он их покинул. Дорогой он размышлял о том, дозволит ли священник им обручиться или надеяться на обручение нет смысла, либо, поскольку его мысли все время возвращались к его возлюбленной Эльфриде, дозволит ли он ему остаться у них долее. Если же ему запретят даже думать о подобных вещах, он решился уехать тотчас же. А последнее, даже в свете его молодых надежд, казалось наиболее вероятным.

Стефан возвращался к пасторскому дому по лугам, тем же путем, каким пришел, и повсюду его сопровождало нежное музыкальное журчание воды, что струилась через маленькие запруды под робким светом луны, и всюду лежала свежая роса. То было время, когда простой взгляд на окружающий пейзаж становился созерцанием, а созерцание приносило покой. Однако Стефан едва ли был в достаточной мере философом, чтобы извлечь выгоду из подобного дара матери-природы. Его характер составляли очень простые черты; он обладал душевным складом того рода, какой редко встречается в весеннюю пору цивилизации, в то время как непрестанно множится, когда нация становится старше, индивидуальность блекнет, а образование получает повсеместное распространение – таким образом, его ум обладал необыкновенной восприимчивой силою, но у него отсутствовала творческая жилка гения. Быстро усваивая любой род знаний, что попадались на его пути, и обладая пластическим умением

приспосабливаться, что более свойственно женщинам, чем мужчинам, он менял окраску, как хамелеон, если оказывался в обществе, что было рангом повыше и где от него требовалось более искусное притворство. Он не мог похвалиться оригинальными идеями, и тем не менее едва ли нашлась бы такая идея, коей он после необходимой тренировки не сумел бы придать достойного обрамления.

Этой ночью он не замечал ничего вокруг, целиком погрузившись в свои переживания; а то, что он видел в своей душе, была смертельная усталость. Его намеренья жениться на Эльфриде, пусть даже немного поспешные, меж тем показались бы беспристрастному наблюдателю весьма далекими от абсурда – ведь стоит помнить о том, как обычно заключаются браки, – если только не назвать абсурдным препятствием выпавшее на долю случайное соседство родовитой семьи невесты и родителей жениха, людей честных, но незнатных, и счесть это фактом, мешающим влюбленным соединиться.

Часы пробили одиннадцать, когда он вошел в пасторский дом. Эльфрида ждала его, сидя в неподвижности, и едва ли сделала хоть одно движение с тех пор, как он ушел. Прежде чем она молвила ему хоть слово, она успела увидеть, как он и ее отец прошли в рабочий кабинет последнего. Она поняла, что он каким-то образом все же получил тот разговор тет-а-тет, которого добивался.

В то время пока Стефан отсутствовал, нервические головные боли стали донимать чувствительную девушку, и ей не

оставалось ничего другого, кроме как подняться наверх, в свою комнату. Вместо того чтобы прилечь, она вновь сидела в темноте, не закрывая двери, и с бьющимся сердцем прислушиваясь к каждому звуку, что доносился снизу. Слуги легли спать. Наконец она услышала, как двое мужчин вышли из рабочего кабинета и направились в столовую, где накрытый ужин был оставлен более часа назад. Дверь туда оставили открытой, и она поняла, что в любом случае ужин у них протекает таким образом, что отец и ее возлюбленный не обменялись ни единым замечанием, исключая такие банальности, как ремарки по поводу огурцов да дынь, о свойственной им полезности и способах выращивания, а в остальном их разговор проходил в жестких и формальных рамках. Это сулило неудачу.

Вскоре после ужина Стефан поднялся наверх, к себе в комнату, и почти тотчас же его примеру последовал ее отец, который удалился на ночной отдых. Не собираясь зажигать свет, она сняла с себя часть одежды и присела на кровать, да некоторое время, возможно целый час, так и провела – сидя на кровати, погруженная в мучительные мысли. Затем, собираясь закрыть дверь до того, как разденется до конца, она вдруг заметила полоску света, сиявшую из-под чьей-то двери. Но дверь в комнату ее отца закрыта, и слышно, как он размеренно сопит во сне. Свет шел из комнаты Стефана, и осторожные шорохи, которые долетали оттуда, яснее ясного говорили о том, чем он занят. В идеальной тишине, что ца-

рила в доме, она отлично услышала, как закрылась крышка и щелкнул замок – он закрыл шляпную коробку. Затем послышались звук стягивания чего-то ремнем и щелчок другого замка – он закрыл свой чемодан. С утроившимся дурным предчувствием она потихоньку отворила дверь и направилась к его комнате. Одно ощущение наполняло ее, доводя до отчаяния. Стефан, ее молодой красавец, ее ненаглядный, покидал ее, и она не сможет больше видеться с ним открыто, только тайком и в печали, а возможно, они расстаются навсегда. Она никак не могла больше ждать наступления утра, как запланировала ранее, чтобы узнать, о чем тот договорился с ее отцом. Набросив на себя пеньюар, она легонько постучала в его дверь и прошептала: «Стефан!» Тот немедленно отозвался, открыл дверь своей комнаты и вышел к ней.

– Скажи: можем ли мы надеяться?

Он отвечал встревоженным шепотом, и слезы навернулись ему на глаза, но он не пролил ни одной.

– Я должен не сметь и думать о такой абсурдной вещи, – вот что он сказал. – И я уезжаю утром. Мне следовало позвать тебя, чтобы попрощаться.

– Но он не сказал тебе, чтоб ты уезжал… ох, Стефан, он же не сказал тебе этого?

– Нет, словами он этого не сказал. Но я не могу здесь оставаться.

– Ох, не уезжай, не уезжай! Пойдем со мною и давай поговорим. Давай спустимся на несколько минут вниз, в гости-

ную, иначе здесь он нас услышит.

Она повела его за собой на нижний этаж, держа в руке зажженную свечу, и казалась неестественно высокой и тонкой в длинном пеньюаре цвета голубиного оперения, что был на ней надет. Она не медлила и не предавалась размышлениям о том, насколько в подобных обстоятельствах была пристойна и их полночная беседа. Она думала лишь одно: положено начало трагедии ее жизни – и едва ль не впервые открыла, что у ее житья на белом свете есть мрачная сторона, тень которой теперь заволокла все и в коей растворились нежные полутона привычек и формальностей. Эльфрида тихо открыла дверь гостиной, и они вошли внутрь. Когда она поставила свечу на стол, он заключил ее в объятия, осушил ее слезы носовым платком и поцеловал глаза.

– Стефан, все кончено, миновали дни нашей счастливой любви, и больше не стало для нас надежды!

– Я сколочу состояние и приеду к тебе и женюсь на тебе. Да, так я и сделаю!

– Папа не захочет даже слушать об этом – никогда-никогда-никогда! Ты его не знаешь. Я-то знаю. Он или слепо восхищается чем-то, или слепо предубежден против этого. Аргументы бессильны против этих двух чувств.

– Нет, я не хочу так о нем думать, – сказал Стефан. – Если через время я предстану перед ним человеком, который сделал себе имя, он примет меня – я знаю, что примет. Не настолько он зол.

– Нет, он не злой. Но ты говоришь «через время» так, будто это будет быстро. Для тебя, живущего среди суеты и треволнений, это, возможно, будет сравнительно короткий срок; но для меня… ох, его истинная длина утроится! Каждое лето будет тянуться год, осень – год, зима – год! О Стефан! И ты можешь забыть меня!

Ее могут забыть – вот что всегда было и будет настоящим жалом, что ранит сердце любящей женщины. Это замечание пробудило в Стефане тот же страх.

– Тебя тоже могут убедить отказаться от меня, когда с течением времени мой образ поблекнет в твоей памяти. Ибо, запомни, отныне мы должны хранить нашу любовь в тайне; больше не будет никаких моих долгих визитов, чтобы поддержать тебя. Отныне обстоятельства всегда будут за то, чтоб изгладить мой образ из твоего сердца.

– Стефан, – молвила она, переполняемая своими страхами и не придав значения его последним словам, – там, где ты живешь, много красивых женщин… я знаю, что их много… и они украдут тебя у меня… – Ей на глаза навернулись слезы, когда она нарисовала себе мысленную картину его неверности. – И это будет не твоя вина, – продолжала она, неотрывно глядя на свечу печальным взглядом, – нет! Ты станешь думать о том, что моя семья не хочет тебя принять, и будешь мысленно соединять меня с ними. И в твоем сердце мало-помалу образуется свободное место, и другие девушки смогут попытать счастья.

– Я не стану, я не захочу. Эльфи, не будь так полна мрачных предчувствий.

– Ох, конечно же они будут пытать счастье, – отвечала она. – И ты будешь смотреть на них, и сперва тебе не будет до них дела, а потом ты станешь смотреть, и они покажутся тебе интересными, и еще через время ты подумаешь: «Ах, они знают все о жизни в большом городе, и об ассамблеях, и об избранном светском круге, и о манерах титулованных лиц, а бедняжка Эльфи да весь тот шум, что поднимают вокруг нее, запрещая мне на ней жениться, она же только и знает, что свой маленький домишко, да несколько прибрежных скал, да бескрайнюю гладь моря, и она осталась там, далеко-далеко». И потом ты станешь больше ими интересоваться, и они заставят тебя избрать себе в жены кого-то из их круга вместо меня, и они будут жестоки ко мне умышленно, поскольку я глупа, а они куда как умны и ненавидят меня. И я их тоже ненавижу; да, я их ненавижу!

Ее страстные слова обладали силой на него воздействовать, заставляя признать, сколь шатко при любом раскладе положенье неосуществленного намерения. И, что еще горше, чем это понимание, разделяемое обоими, было чувство печали, что становилась их постоянным спутником, проистекая из совершенно особых обстоятельств. Сколь бы отдаленным ни было желаемое событие, ступи они хотя бы на колею, что к нему вела, и этот простой факт уже до некоторой степени ободрил бы их, дав им некоторую определенность.

Согласись мистер Суонкорт на то, чтоб обрученье длилось десять лет, и Стефан ждал бы с относительной бодростью; и он, и она верили бы, что следуют путем, который в итоге приведет их в сады Купидона. Но нельзя сократить время испытательного срока, когда нет шансов даже на его начало, а надежда их была нулевой. Прежде чем они начнут хотя бы ждать заключения брака, мистер Суонкорт должен взять назад свои ужасные слова. И в этом притаилась причина отчаяния обоих.

– Я хочу, чтобы мы поженились сейчас же, – пробормотал Стефан таким тоном, словно говорил о невозможной мечте.

– Я тоже этого хочу, – отозвалась она тоном ему под стать, словно тоже видела перед собой праздные грезы. – Вот единственное, что идет на пользу влюбленным!

– Тайное венчание нам подойдет, правда, Эльфи?

– Да, тайное венчание подойдет; тайное и впрямь будет лучше всего, – сказала она и продолжала задумчиво: – Все, чего мы хотим, – сделать так, чтобы никаким будущим случайностям было не под силу разрушить наши намерения вести в дальнейшем счастливую совместную жизнь; но это не значит, что мы начнем ее немедленно.

– Совершенно верно, – пробормотал он, копируя ее тон и манеры. – Мы тайно поженимся и расстанемся, и станем жить так, как жили раньше, – просто для того, чтобы никто своею властью не смог разлучить меня с тобою, любимая.

– Или тебя со мной, Стефан.

– Или меня с тобой. Мы можем представить себе силу обстоятельств, достаточно мощных, чтобы заставить любую женщину на свете выйти замуж против ее воли, но также нельзя вообразить такие обстоятельства, включая пытки или голод, что вынудили бы замужнюю женщину снова пойти под венец при живом муже.

До сих пор идея о немедленном тайном венчании казалась им нежизнеспособной гипотезой, благодаря которой они попросту ненадолго забудут о мучительном миге разлуки. Пока длилось недолгое молчание, что наступило за последними словами Стефана, сперва сама пленительная идея, а потом и все соблазны уверенности вспыхнули в уме обоих. Пленительная идея состояла в том, что немедленное тайное венчание МОЖНО устроить, а уверены они были, что такой поступок, несмотря на всю его дерзость, несмотря на неведомые его последствия, несмотря на его обман, они оба предпочитают жизни, которую могли бы вести на других условиях.

Молодой человек заговорил первым, и его голос дрожал от понимания всей важности идеи, что они замыслили осуществить.

– Как сильны должны быть наши чувства, Эльфрида! Продолжать жить порознь, как и прежде, не питая страха перед окончательным расставанием! О Эльфрида! Подумай об этом, подумай об этом!

Не вызывает сомнений, что любовь девушки к Стефану

разожгли возражения ее отца, кои заставили ее запылать с силою, увеличенной многократно против той, какой та могла бы быть, если б ее оставили в покое. Никогда условия не бывают более благоприятны, чтоб разжечь первую страстную любовь девушки к красивому мальчишескому лицу – увлечение, кое коренится в ее неопытности и расцветает в уединении, – перерастая в необузданную, нерассуждающую страсть, достаточно пылкую, чтобы на все решиться. Все элементы для расцвета такой страсти были налицо, а венчала их безнадежность – необходимый ингредиент, что всегда доводит до совершенства коктейль из эмоций от любви до безумия, объединенных под одной эгидой.

– Мы вскоре откроем все папе, не правда ли? – молвила она боязливо. – Никому больше знать не обязательно. И тогда до него дойдет, что сердцами не играют, что любовь, когда ее подстрекают к тому, чтоб она росла, не имеет после ни малейшей охоты умирать по чьему-либо сиюминутному приказу. Стефан, не кажется ли тебе, что браки против родительской воли всегда законны, если молодых людей усиленно поощряли вплоть до того момента, до которого дошли мы с тобою, и когда нам потом в одночасье начали все запрещать?

– Да. Это совсем не то, как если бы мы с самого начала шли против желаний твоего папы. Только подумай, Эльфи, как любезен он был со мною всего шесть часов назад! Я ему нравился, он превозносил меня и никогда не возражал против того, чтобы мы с тобою оставались наедине.

– Я верю в то, что он ДОЛЖЕН хорошо относиться к тебе и сейчас, – закричала она. – И если он узнает, что мы навеки принадлежим друг другу, он смирится с этим и станет тебе помогать. О Стефан, Стефан! – выпалила она, когда воспоминание о том, как он собирал свои вещи, снова воскресло в ее памяти. – Я не могу вынести, что ты уезжаешь от нас таким образом! Это слишком ужасно. Все, что я ожидала, мучительно умирает сейчас, все мои надежды!

При этих словах Стефан вспыхнул до корней волос.

– Я нисколько не сомневался в тебе – мысль о тебе не будет для меня мучением! – сказал он. – Мы станем мужем и женой прежде, чем надолго расстанемся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.